

РАПАУТУР

журнал
толкиновского общества
Санкт-Петербурга

№24

: і рѣчьє :

: і рѣчьє рѣчьє лѣчьє лѣчьє :

январь
2001

С.Таскаева (при участии Д.Виноходова). О карлах и гномах. . . . 3
Т.Шиппи. Дорога в Средьземелье. (перевод М.Каменкович). . 11
 Материалы круглого стола “Профессор Толкин и его наследие”
 (Москва, РГГУ, 22 апреля 2000 года) 17
П.Федоров. Письмо участникам диспута. 33

На последней странице:
 Моргул “Гиблые Болота”

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 24 2001

ЖУРНАЛ
 ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делаем:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Шорин Эйкинсьялди

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
 E-mail: eondil@mail.ru barding@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>

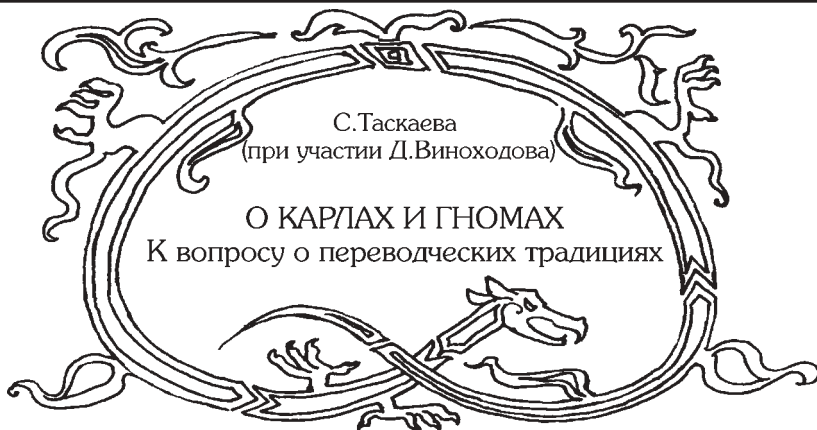
Copyright ©2001, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами.
 Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского
 Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

**Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов
 Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.**

*Если карлой сотворен,
то в великаны не тянися.*
И.А.Крылов

Как показывает опыт, накопленный в нашей стране более чем за два десятка лет, перевод произведений Толкина на русский язык представляет собой сложную проблему.

Казалось бы, Толкин - не Джойс и не Льюис Кэрролл, пишет просто и ясно. В отличие от единожды переведенного *Улисса* (вряд ли кто-то повторит этот гигантский труд) и совершенно непереводаемого *Finnegan Wake*, *Властелин Колец* стал для переводчиков новой «Алисой»: за двадцать лет вышло из печати шесть (!) переводов этого объемного произведения, и известно о существовании еще нескольких.

Однако несмотря на это (или благодаря этому?) дискуссии и споры о качестве переводов Толкина в фэндоме не утихают, см., к примеру, статьи [2, 4, 5, 9]. Как шутят, «больше, чем о переводах Толкина, спорят только о переводах Священного Писания».

Попытаемся коротко проанализировать требования, которые предъявляет переводчику работа над произведениями Толкина.

Во-первых, Дж.Р.Р.Толкин был профессиональным филологом-германистом, и это оказало исключительное влияние на его творчество. Таким образом, работа по переводу его произведений требует от переводчика известной эрудиции в области германских языков и литератур: как перевести аллитерационные отрывки в ВК? Как транскрибировать древнеанглийские имена рохиррим? И т.д. и т.п.

Во-вторых, вдохновение Толкина носило «лингвистический» характер: придуманные языки потребовали от своего создателя мира, в котором они существуют, и историй, которые на них рассказаны. Это означает, что внимательное и бережное отношение к словесной ткани и, в частности, к выдуманным языкам - неперемное условие создания хорошего перевода. Сам автор прекрасно понимал это, написав, в частности, наставление по переводу имен собственных, встречающихся в ВК.

В-третьих, мир Толкина явлен нам во множестве произведений, которые писались на протяжении всей жизни автора. Кроме того, свои труды Толкин комментировал в письмах. И работа даже над небольшим фрагментом толкиновской вселенной невозможна без знания - по меньшей мере - основных текстов. Таким образом, от переводчика требуется специфическая эрудированность и начитанность, которой может похвастаться отнюдь не всякий профессиональный англист или переводчик с английского.

Наша статья на примере решения частной переводческой проблемы призвана

проиллюстрировать необходимость учета переводчиками Толкина данных требований.

Приход в нашу страну ранее неизвестных русскоязычным толкинистам произведений Дж.Р.Р.Толкина, таких, как *Неоконченные Сказания* и двенадцатитомная «История Средиземья», поставил перед переводчиками ряд проблем.

Одной из них стал поиск адекватного способа именованя в русском языке некоторых народов, упоминаемых в текстах Толкина. Так, представители народа кхазад, или наугрим, именуются в текстах Толкина dwarf (правда, множественное число от этого существительного образуется не совсем привычно - dwarves).

При переводе на русский язык переводчики *Хоббита* и *Властелина Колец*, что вполне естественно, употребляли традиционный эквивалент, к которому, благодаря сказке *Белоснежка и семь гномов*, массовый читатель давно привык: «гном - гномы».

Однако, когда в поле зрения переводчиков попали издания многочисленных черновиков и ранних произведений Толкина, относящихся к циклу о мире Арды, выяснилось, что в них присутствует некий народ, носящий наименование gnomes (произносится «нзумс») - в частности, с этой проблемой столкнулся коллектив неформального творческого объединения ТТТ, начав работу над переводом *Книги Утраченных Сказаний* [10].

Под народом gnomes в ранних трудах профессор Толкин имел в виду не кого иного, как эльфов-нолдор. Нет, не нужно думать, будто эти эльфы - низкорослые подземные существа или духи, нет, они такие, какими мы знаем их по *ВК* и *Сильмариллиону*¹.

Получается, и народ Дурина, кхазад - гномы, и нолдор - тоже гномы. Как же их следует различать в русском переводе? Попробуем разобраться в этой проблеме.

Начнем с происхождения, значений и употребления слов dwarf и gnome в языке оригинала - английском.

Слово dwarf - исконно английское, родственное немецкому zwerg и древнеисландскому dvergr, имеет родню в иных индоевропейских языках. Также оно интересно филологу своей любопытной историей. Как и подобает исконно германскому слову, оно встречается уже в самых древних памятниках германских языков, к примеру, в Эпинальских глоссах (8 век). Судя по этим самым глоссам, в древности это слово означало то же самое, что и сейчас: «a human being much below the ordinary stature or size; a pygmy»². Каковое значение и дается в Большом Оксфордском Словаре [12]. Короче, «карлик, пигмей». Так обычно в этом значении слово dwarf и переводится на русский язык, к примеру, в «Смерти Артура», где переводчик (И.Бернштейн) использует более архаичную форму «карла»: «А с другой стороны выехал на поляну карла на коне, тоже весь в латах, только голова открыта, рот до ушей, нос - обрубок» [8].

Вариантом этого значения является следующее: «one of a supposed race of diminutive beings, who figure in Teutonic and esp. Scandinavian mythology and folk-lore; often identified with the elves, and supposed to be endowed with special skill in working metals, etc»³ [12]. Эти персонажи германской и скандинавской мифологии известны нам по *Старшей* и *Младшей Эдде*, *Песне о Нибелунгах*, *Sage о Волсунгах* и др. Собственно, это фактически dwarves Толкина, даже их имена: Дурин, Балин, Двалин, Нори, Трор, Фили и Кили, а также имя Гандалв - профессор Толкин взял из «Прорицания вельвы» (*Старшая Эдда*).

В академических переводах этих памятников литературы германских народов мы находим два варианта - «карлик(и)» и «цверг(и)» (от родственного немецкого слова):

Кому-то должно
карликов сделать...
был Мотсогнир сделан
и назван первым
в народе цвергов
(*Старшая Эдда*, «Прорицание вельвы», 9-10, пер. В.Тихомирова [6])

Мотсогнир страшим
из племени карликов
назван тогда был
(*Старшая Эдда*, «Прорицание вельвы», 10, пер. А.Корсуна [1])

С ним бой затеял Альбрих, мстя за своих господ,
Но карлик поражение изведаль в свой черед.
(*Песнь о Нибелунгах*, 98-99, пер. Ю.Корнеева [1])

Остальные значения слова dwarf производны от первого: «an animal or plant much below the ordinary height or size of its kind or species» - «растение-карлик», «one of the class of smaller stars of greater density as distinguished from the larger diffuse stars or 'giants'»⁴ [12], в качестве примера дается white dwarf, что переводится на русский как «белый карлик».

Таким образом, можно констатировать, что во всех своих значениях слово dwarf переводится «карлик, карла, цверг». Что фактически противоречит сложившейся традиции перевода этого этнонима в сказках, произведениях Толкина и фэнтези. Однако даже если исходить из общих соображений, предпочтительнее переводить это слово у Толкина так, чтобы не рвать нитей, связывающих его творчество с древней и средневековой германской литературой... Однако разберемся сначала со словом gnome.

Оксфордский Словарь замечает следующее по поводу происхождения слова gnome: «Paracelsus (*De Nymphis* etc. Wks. 1658 II. 391, and elsewhere) uses *Gnomi* as a synonym of *Pygmaei*, and says that the beings so called have earth as their element (or, as he calls it, their *chaos*: cf. etymological note on gas), through which they move unobstructed as fish do through water, or birds and land animals through air. The context in the passage above referred to suggests that the name was *not* invented by Paracelsus himself, and that it means 'earth-dweller': possibly it may be a blunder for *ge-nomus, representing a Gr. type *genomos (for which cf. *thalassonomos* dwelling in the sea). The term, however, may possibly be a mere arbitrary invention, like many others found in Paracelsus. The connexion commonly assumed with Gr. *gnome* (see prec.) or *gnomon* (cf. gnomon) seems unlikely»⁵.

Таким образом, мы видим, что это слово сравнительно «молодое», придумано известным человеком, да еще, возможно, появилось на свет благодаря ошибке. Значение его определяется следующим образом: «One of a race of diminutive spirits fabled to inhabit the interior of the earth and to be the guardians of its treasures; a goblin, dwarf»⁶ [12]. Таким образом, по значению оно близко слову dwarf, однако dwarves, как было видно, существа вполне материальные, а про gnomes это не всегда можно сказать, они несколько ближе к духам: «the four elements are inhabited by Spirits, which they call Sylphs, Gnomes, Nymphs, and Salamanders. The Gnomes or Daemons of Earth delight in mischief»⁷ (А.Поуп, *Похищение локна*, 1712-1714) [12]. От этого значения производны два других: «A statue or figure of a gnome, esp. one placed in a garden. Cf. *garden gnome*» и «An international financier or banker, spec. one who is Swiss; esp. in phr. **the gnomes of Zurich**»⁸. Так же называется птица *Patagona gigas* [12].

В русский язык это слово проникло в конце 18 - начале 19 века, видимо, в связи с распространением романтизма, классической страной которого была Германия (вспомним

баллады Жуковского на сюжеты немецких романтиков). Поскольку в восточно-славянской мифологии не было существ маленького роста, аналогичных цвергам скандинавской мифологии, то не было и исконного слова для их обозначения. И «чужие», «заимствованные» волшебные существа маленького роста стали называться заимствованным словом. Словарь Ожегова определяет слово «гном» следующим образом: «В западноевропейской мифологии: безобразный, обычно бородатый карлик, охраняющий подземные сокровища». Получается, что в русском слове «гном» «слились» значения, которые в английском передаются двумя разными (и по возрасту-происхождению, и по употреблению) словами.

Однако это верно для обыденной речи и для переводов детских сказок. Что же говорит по этому поводу академическая традиция, представленная, в частности, энциклопедией *Мифы Народов Мира* [7]?

Родовым словом для обозначения «мифологических существ, отличающихся необычайно малым ростом» оказывается слово «карлики». Цверги и альвы германской мифологии, «азиза» дагомейской - все они карлики. Согласно той же энциклопедии, гномы «в низшей мифологии народов Европы - маленькие антропоморфные существа, обитающие под землей, в горах или в лесу», то есть - существа из разряда карликов.

Однако как, тем не менее, развести два вида гномов на практике, в переводе на русский язык *Книги Утраченных Сказаний*? Есть несколько возможных путей решения проблемы. Один из них - продолжать называть dwarves гномами, а gnomes назвать как-нибудь иначе:

а) номы/ноумы/нэумы (согласно произношению английского слова);

б) гномии (согласуясь с греческим происхождением термина) - это слово использовано в переводе *Приют Забытой Игры*, сделанном М. Куренной [11];

в) нолдоли (по Толкину - синоним «нолдор»);

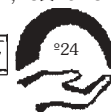
Все эти решения имеют, как преимущества, так и недостатки. При использовании варианта «а» может возникнуть путаница с одним из имен собственных Финрода Фэлагунда (Ном Мудрый), а также с загадочным народом номов, упоминаемых в сказке Фрэнка Баума *Волшебник страны Оз*. Кроме того, может сложиться впечатление, что «ном/ноум/нэум», слово на вид корней в земных языках не имеющее, принадлежит к одному из эльфийских языков.

Вариант «б» явно недостаточно благозвучен (отчасти потому, что непривычен). Опять-таки, слово «гномий», в отличие от гноме и «гном», ни к какому языку не принадлежит, а такой метод словотворчества - путем немотивируемого внутренним смыслом изменения уже известного слова - Толкину совершенно несвойственен. Так что греческий колорит (достигаемый прибавлением «-ий») является в некоторой степени подложным. Кроме того, возникает проблема изменения этого слова по родам, числам и падежам - в силу его высокой частотности.

Вариант «в» игнорирует специфику развития мифологии Толкина. Сама публикация серии «Истории Средиземья» - это попытка показать, как рос и менялся мир Толкина, как появлялись новые замыслы, как вступали во взаимодействие уже придуманные сюжетные элементы. Поэтому попытка подогнать под одну гребенку тексты, относящиеся к разным стадиям развития мифологии («выровняв» их, в частности, за счет исключения перевода слова гноме), приведет к затиранию граней между этими стадиями, уничтожит своеобразие ранних текстов.

Как видно, все эти решения по-своему нехороши. Что же можно сказать по поводу передачи слова гноме словом «гном»?

Необходимо подчеркнуть, что в словарное значение английского слова гноме совершенно не укладывается тот смысл, который вкладывает в него Толкин. В *Книге Утраченных сказаний* упоминается немало существ традиционных мифологий, однако

они (сильфы, брауни, лепрауны) определяются как духи, которые были прежде мира, и они совершенно четко противопоставляются эльфам - «детям мира», а значит и «народу гномов» = нолдоли, нолдор.

Вот как обосновывал сам Толкин это необычное словоупотребление в черновике Приложения Е к *Властелину Колец*: «Я иногда (не в этой книге) использовал слово «гномь» для обозначения *нолдор* и *язык гномов* вместо *нолдорин*. Я счел это правомерным, поскольку, что бы уж там ни думал Парацельс (если он и впрямь изобрел это название), для некоторых слово «гном» по-прежнему ассоциируется с сокровенным знанием. А нолдор – название этого народа на языке Высоких Эльфов – означает «Те, Кто Знают», поскольку среди трех родов эльдар нолдор с самого начала выделялись как знанием того, что есть и было в мире, так и стремлением узнать больше. Однако они никоим образом не похожи на гномов как высоконаучных теорий, так и народных сказок; так что теперь я отказался от этого вводящего в заблуждение перевода. Ибо нолдор принадлежат к роду высокому и прекрасному, то – старшие Дети мира, ныне ушедшие» [цит. по 10, с.43-44].

Можно сказать, что таким образом Толкин пытался создать свое собственное слово, произведенное от греческого корня *гноме* «мысль, разумение» и имеющее собственное значение («глубокомудрый эльф») и всего лишь омонимичное тому слову, которое описывает Оксфордский словарь. Так же толкиновское *гноме* совершенно очевидно противопоставлено и слову *dwarf*.

Однако, как процитировано выше, сам Толкин понимал, что подобное «омонимотворчество» чревато путаницей: современному англичанину так же мало дела до тонкостей возможной этимологии слова *гноме*, как русскому - до разницы между цвергами *Старшей Эдлы* и гномами Парацельса. Проиллюстрируем эту мысль цитатой из книги Т.Шиппи *Дорога в Средиземье*: Толкин «kept using the term ‘Gnomes’ for the Noldor till at least 1937, in confidence that ‘to some “Gnomes” will still suggest knowledge’, through its connection with Greek *gnome*, ‘intelligence’(see BLT1, pp.43-44). To some, possibly. However to all but a vanishingly small proportion of English speakers, ‘gnome’ has lost all connection with its Greek root, and means instead a small, vulgar garden ornament, very hard to take seriously»⁹ [14, с.258].

Отсюда понятно, что сама «неподходящность» русского слова «гном» к эльфам-нолдор делает это слово наиболее подходящим для передачи *гноме* применительно к оним эльфам.

Но что же тогда делать с *dwarves*? Рассмотрим возможные пути решения проблемы.

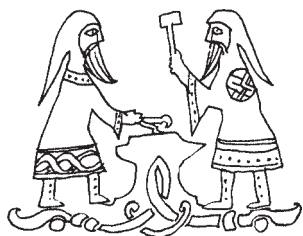
Можно продолжать называть кхазад гномами и *gnomes* тоже назвать гномами, используя при этом во втором случае особое шрифтовое оформление (например, готическим шрифтом), либо проставляя каждый раз после этого слова в скобках его английское написание. Путь этот в принципе допустим, тем более, что этноним *gnomes* постепенно исчезает из текстов Толкина и надобность в такого рода изысках со временем отпадет сама собой. Но тяжеловесность этой нетрадиционной конструкции слишком бросается в глаза читателю и не снимает проблему окончательно. Кроме того, в последующих томах «Истории Средиземья» К.Толкин, редактор серии, часто цитирует отрывки из более ранних томов.

Таким образом, нам ничего не остается, кроме как назвать *dwarves* как-то иначе, на выбор:

- а) цверги (согласно традиции перевода *Старшей Эдлы*);
- б) дварфы (простая транслитерация термина);
- в) карлики или карлы (ед. ч. - карла).

Варианты этой группы позволяют более точно передать специфику оригинального текста - что отвечает намерению переводчиков. Рассмотрим происхождение и использование

этих слов в русском языке, чтобы выбрать наиболее подходящий эквивалент слову dwarf.

Что касается слова «цверг», то оно, судя по всему, получило распространение в связи с «нибелунгским» циклом Р.Вагнера. В отличие от слов «гном» и «карлик», оно еще не успело достаточно обрусеть и используется лишь по отношению к карликам скандинавской мифологии. Народ Дурина, строго говоря, - эквивалент цвергов в мире Толкина, но не тот же самый народ. Поэтому сугубо терминологически карлики мира Толкина цвергами не

являются.

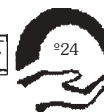
Слово «дварф» - еще более молодое заимствование (причем не нейтральное, а сленговое), и нам не хотелось бы быть пионерами в этой деликатной области.

Слово «карлик», по всей видимости, - это форма, произведенная выравниванием от слова «карлица», поскольку слово «карлик» фиксируется словарями русского языка с 1792 года, а «карлица» - с начала 18 века [3]. Насколько можно судить, последнее произведено либо от формы «карла», либо от формы «карло», которая является самой ранней формой этого слова в русском языке - она встречается в текстах с начала 17 века: англичанин Р.Джемс в своем дневнике-словаре (1618-1619) глоссирует его как «a dwarfe»; как имя собственное - Карло - это слово известно с 15 века. Вариант «карла» фиксируется словарями с 1780 года [3]. Считается, что это заимствование из средневерхненемецкого языка, от слова *karl* «мужчина, супруг», однако русская форма «карло» наводит на мысли, что это могло быть заимствование из общегерманского, от **karlo-z* (от которого происходит упомянутое немецкое слово, а также английский диалектизм и архаизм *carl* («грубиян, невежа, деревенщина, скряга»). Вариант общегерманского корня - **kerlo-z*: к нему восходит древнеанглийское слово и современный историцизм *seorl* (в англосаксонские времена - свободный человек самого низкого социального положения), а также новоанглийское *churl* (означает то же самое, что и *carl*). Кстати, от того же корня и имя Карл, от которого, в свою очередь, произошло славянское «король». Индоевропейская родня: греч. *geron* - «старик» [3].

Как видно, это слово появилось в русском языке много раньше, чем слово «гном» (не говоря уже о цвергах и дварфах), и теперь его «чуждость» малозаметна, оно воспринимается как «русское», и в этом его преимущество (таким образом «передается» некое ощущение исконности, связанное для англичан со словом dwarf). Кроме того, это слово успело укорениться не только в смысле «человек странных пропорций», но и в смысле «необычное или сверхъестественное существо». Данное слово имеет в русском языке негативные ассоциации, а в *Книге Утраченных Сказаний* карлы - злой народ, союзники орков и гоблинов. У Пушкина в сне Татьяны мы находим все эти коннотации:

Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

Далее, это слово связано с национальной эпической традицией: «Наш витязь карлу чуть живого В котомку за спину кладет...». Поэма *Руслан и Людмила*, иронический перифраз национальной традиции и пародия на Жуковского, воспринимается, тем не менее, как эпос или даже (наполовину в шутку) как первое произведение русской фэнтези. При этом пушкинского «карлу Черномора» англоговорящие переводят на свой язык как dwarf (спасибо за эту информацию Н.Ленской) [13].

Кроме того, слово «карлик», как было показано выше, используется современными переводчиками при академическом переводе древней и средневековой литературы германских народов, с которой Толкин как писатель связан гораздо теснее, чем с литературным «мэйнстимом» двух последних веков.

Также следует упомянуть, что в переводе-пересказе ВК под названием *Повесть о Кольце*, сделанном З.Бобырь, слово dwarf также передано как «карлик».

Конкретный выбор слова «карла» в переводе *Книги Утраченных Сказаний* продиктован тем, что эта форма является более архаичной и воспринимается как таковая. В силу наличия двух форм более «старомодная» форма легче выражает мифологические или сверхъестественные (или, точнее, не-человеческие, не-бытовые) ассоциации (ср. «я увидел карлу» и «я увидел карлика») - и в этом ее достоинство. Кроме того, оппозиция «карлы-карлики» удачно дублирует оппозицию «dwarf-petty dwarf», существующую в позднейших текстах Толкина.

Таким образом, переводчики *Книги Утраченных Сказаний* и, шире, коллектив ТТТ, с одной стороны, следуют за основательной и авторитетной традицией, принятой известными переводчиками и одобренной виднейшими германистами, и с другой - сохраняют своеобразие оригинального текста и стоящей за ним лингвистической ситуации. Поэтому выбор слова «гном» как коррелята gnome и слова «карла» как перевода слова dwarf не следует считать произволом переводчиков или неоправданным вывертом вкуса.

Очевидно, что читателю, привыкшему к гномам-dwarves, будет тяжело смириться с новым переводом. Но коллектив ТТТ со всей ответственностью сознает, что наша цель - создать как можно более точный и адекватный перевод текстов Толкина. А не просто доставить читателю удовольствие, отступая от заявленной точности и адекватности и потрафляя традиции, чья состоятельность зиждется исключительно на ее распространенности и привычности.

Безусловно, примененный коллективом ТТТ подход не представляется идеальным выходом из сложившейся ситуации. Однако при сегодняшнем положении дел в принципе не может быть получено решения, которое полностью удовлетворяло бы всех переводчиков и заинтересованных читателей. Скорее, это разумный компромисс между необходимостью максимально точного следования оригиналу в отношении фактологии и самой идеей перевода этого оригинала на русский язык: если читатель хочет изучать именно произведения Толкина, а не их авторизованные переложения, то ему так или иначе придется полагаться на анализ оригинального текста, нежели на свой личный вкус, воспитанный на традиционных переводах *Хоббита*, *Властелина колец* и *Сильмариллиона*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. - М., «Художественная литература», 1975. - 751с.
2. Горелик А. Жизнь и деятельность бедненького Смегорла, или Иди-ка сюда, мразь! <http://kulichki.rambler.ru/tolkien/arhiv/ugolok/gorkrit.html>
3. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2т. - М.: Русский язык, 1999. Т.1 - 624с., Т.2 - 560с.
4. Киякин А. Вначале было слово... (памяти кондуктора под вагоном). <http://kulichki.rambler.ru/tolkien/arhiv/ugolok/posadnik.html>
5. Киякин А. Кондуктор-2 жив, или несколько слов о последнем переводе. <http://kulichki.rambler.ru/tolkien/arhiv/ugolok/posadnik.html>

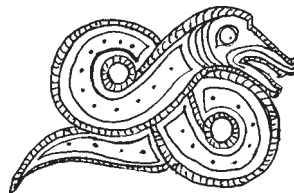

6. Корни Иггдрасиля. - М.: «Терра», 1997. - 640с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. - М., «Советская Энциклопедия», 1991. Т.1 - 671с., Т.2 - 719с.
8. Мэлори Т. Смерть Артура. - М., «Наука», 1974. - 899с.
9. Семенова Н. «Властелин Колец» в зеркале русских переводов. <http://kulichki.rambler.ru/tolkien/arhiv/ugolok/seменова.shtml>
10. Толкин Дж.Р.Р. Книга Утраченных Сказаний, часть I. - ТТТ, 2000. - 308с.
11. Толкин Дж.Р.Р. Приют забытой игры. Пер.М.Куренной. - «Палантир», ²2 - с.3-7, ²3 - с.3-8.
12. Oxford English Dictionary-2 on CD-ROM. Version 1.13. Software B.V. 1994.
13. Ruslan and Lyudmila by Mikhail Ivanovich Glinka: Synopsis. http://www.slote-company.com/sfopera/lookback2/html/ruslan_and_lyudmila.htm.
14. Shippey T. Road to Middle-Earth. L., Grafton, 1992. - 337с.

Примечания

- ¹Строго говоря, ростом они меньше, чем люди, но совсем чуть-чуть...
- ²«Человек много меньше обычного роста; пигмей».
- ³«Существо выдуманного низкорослого народа, который фигурирует в германской и, в частности, в скандинавской мифологии; они часто отождествляются с эльфами и, как считается, весьма умело работают с металлами и проч.»
- ⁴«Животное или растение, меньше размером или высотой, чем другие представители того же рода или вида», «небольшая звезда, состоящая из вещества огромной плотности, отличающаяся от более крупных диффузных звезд-гигантов».
- ⁵«Парацельс (в работе *De Nymphis* и др., см. *Труды*, 1658 II.391 и др.) использует *Gnomi* как синоним *Pugmaei* и утверждает, что эти существа состоят из земли (или, как он выражается, земля является их *chaos*: ср. этимологию слова *gas*), и сквозь землю они движутся так же беспрепятственно, как рыбы движутся сквозь воду, а рыбы и наземные животные - сквозь воздух. Контекст вышеуказанного параграфа заставляет предположить, что это название изобретено не Парацельсом и что оно означает «житель земли»; вероятно, это может быть ошибкой, вместо *genotus, по греческой модели *genomos (ср. *thalassonomos* - «живущий в море»). Однако, этот термин может быть и изобретением Парацельса, как и многие другие вводимые им термины. Обычно предполагаемая связь с греч. *gnome* (см.) или *gnomon* (см.) представляется маловероятной».
- ⁶«Существо из народа низкорослых духов, которые, по преданию, живут в земле и охраняют ее сокровища; гоблин, карлик».
- ⁷«Четыре элемента населены Духами, которые называются Сильфы, Гномы, Нимфы и Саламандры. Гномы, или Демоны Земли, любят проказничать».
- ⁸«Статуя или фигурка гнома, в особенности - стоящая в саду. См. *garden gnome*», «международный финансист или банкир, чаще всего швейцарский; особенно во фразеологическом сочетании **гномы Цюриха**».
- ⁹«продолжал пользоваться термином «гномы» применительно к нолдор до, по меньшей мере, 1937 года, в уверенности, что «для некоторых слово 'гном' по-прежнему ассоциируется с сокровенным знанием» - через связь с греческим *gnome*, «рассудок» (см. ВЛТ1, pp.43-44). Для некоторых, возможно и так. Но для всех, за исключением исчезающе малого числа англоговорящих, «гном» не имеет никакой связи со своим греческим корнем и означает небольшое и вульгарное садовое украшение, к которому трудно относиться серьезно».

Т.Шиппи
Дорога в Средьземелье
(перевод Марии Каменкович)

(Продолжение. Началов в №№ 21, 22 и 23)

Глава 2
Филологические изыскания

Дороги и бабочки.

Труды Гриммови Толкина доказывают, что филологический подход к поэзии не обязательно должен исключать все, что в наше время называют “литературой” (или “относящимся к литературе”). Однако подход Гриммови Толкина резко отличается от принятого сегодня литературных критиков. Прежде всего, от филологов скорее, чем от критиков, можно ожидать интереса к смыслу отдельных слов, форме или непривычным, но зафиксированным (или пусть даже незафиксированным) письменному употреблению. При этом нет основания полагать, что филологи относятся к замыслу автора менее уважительно, чем критики. Просто их специальность обычно побуждает их чаще обращать внимание не только на поведение слова в его непосредственном окружении, но также на его корни, аналоги в других языках, потомство в современных языках, а также на те процессы культурного изменения, на которые могла бы указать история этого слова. Выразимся так: для Толкина слово небыло чем-то вроде “кирпичика”, не было отдельной, ограниченной единицей; оно было для него скорее вершиной сталактита, которая, конечно, представляет интерес сама по себе, но куда более достойна внимания как часть некоего живого, растущего единства. Можно сказать, что Толкин усматривал в этом процессе что-то сверх-человеческое, по крайней мере, что-то превышающее возможности отдельного человека — ведь никто не знает, как будут изменяться слова в будущем, даже если исследователью по долгу известно, как изменялись они в прошлом. В одном из последних опубликованных стихотворений Толкина, которое написано на древнеанглийском и посвящено поэту У.Х.Одену (1) (с переводом на современный английский) автор, в конце стихотворения, называет Одену *wodbora*, а в конце обещает ему вечную хвалу от *searobankle* (2). Первое существительное переведено как “тот, кто имеет себе поэзию”, второе как “любитель слов”. Этимологически, однако, сочетание “любитель слов” параллельно слову “филологи”, а первый элемент слова “*wodbora*” — это тот самый корень, который сохранился в имени бога Одина (Водена) (3) и в архаическом прилагательном “*wood*”, означавшем “сумасшедший, шальной”: его употребляли по отношению к мистическому безумию барда, шамана или, как мы говорим сегодня, берсеркера. Поэты-филологи, как чувствовал Толкин — как раз те люди, которые могут оценить это.

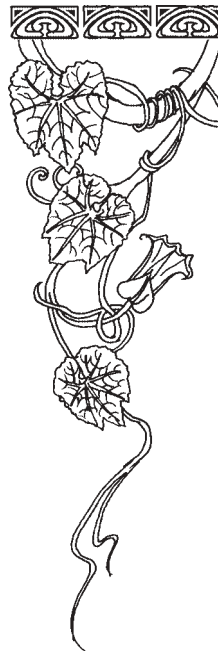
Естественно ожидать, что филолог скорее, чем критики, склонны будут поверить в то, что

можно было бы назвать “реальностью истории” — прежде всего по той серьезной причине, что они имеют больше склонности работать с рукописями, чем с печатными книгами, а первые гораздо поучительнее вторых. В некоторых случаях эти рукописи были написаны в прямом смысле слова самимавтором, в других он сам вносил исправления; в третьих случаях, наоборот, слишком даже очевидно, что автор к рукописи не прикасался — непонимание лежит на страницах таким густым слоем, что так и видишь, как задохнулся бы автор от гнева, догадайся он (как догадывался иногда Чосер), что сделали с его текстом другие люди, или что они собираются с ним сделать. Чувство, что в старых библиотеках собираются привидения, очень сильно. Правда, есть другая причина того, почему филологи ощущают такую интимную связь с историей: они понимают, что настоящее обретает свою форму благодаря прошлому — вспомнимещеразо “словесных сталактитах”. Но речь еще и о создании национальных государств и о разделении языков (например, голландского и немецкого), и о том, как забытые, казалось бы, истории (например, финский эпос “Калевала”) порождают национальные мифы. Не меньшее значение имеет свойство имен закреплять в обыденном сознании детали пейзажа. Менее чем в тридцати милях от кабинета Толкина находится доисторический курган, известный под именем “Кузница Виланда” (4). Этому названию больше тысячи лет; возможно, именно оно пришло на ум королю Альфреду (который родился в Уэнтидже, в семи милях от этого места), когда он вставил в свой перевод Бозция следующее восклицание: “*Kwoet synt nu þoes foreman and þoes wisan goldsmides bân Wêlondes?*” “Что сутьны некости Вейланда (sic! — М.К., В.К.), златокузнеца, превыше всех премудрого?”. Альфред мог также помнить о Виланде как об отце героя Видии, того самого, который, как рассказывали, по догадкам ученых, утраченные поэмы, вызволил Теодорика из страны чудовищ; не исключено, что Альфред слушал эти поэмы прямо с гоголоса певцов. Однако несмотря на то, что поэмы были утрачены, чудовища исчезли вместе с ними, а Виланд перестал что-либо значить для англичан, само имя Виланда в течение столетий не забылось и сохранило тень прежнего смысла. Для Толкина такие цепи ассоциаций возникали с легкостью и во множестве; запирать их в рамки книг не было никакой необходимости. Когда Толкин говорил, что “история” (читай: вымышленная история, повесть. — М.К., В.К.) часто походит на “миф”, или когда Вильгельм Гриммотказывался разделять “миф” и “героическую легенду”, у обоих имелись для этого самые прозаические основания (5). Они знали, что легенда часто растворяется в обыденности. Уже по первому стихотворению, которое опубликовал Толкин (не считая нескольких строчек в журналах школы и колледжа) — “Поступь Гоблинов” (“*Oxford Poetry*”, 1915г. (6)) — ясно видно, что автор хорошо чувствует непрерывность истории и непрерывность процессов языкового изменения (хотя, положим, заметить это можно только задним числом). Эти стихи начинаются так:

Вот дорога — посмотри —
Где фей сияли фонари...
Летучих мышек угловат полет;
Лентой серою она
Прочь ползет, едва видна,
И вздыхают изгороди, и трава поет.
Гулок, тонок, скор,

Насекомый хор
Вьется и кружится в низких кронах.
Чу! Рога зовут:
По тропе бегут
Зачарованные лепреконы (7).

Допускаю, стихи это не очень хорошие. Воистину, легко представить себе, как кто-то встал бы в лагерь “литературный лагерь”, вооруженный профессиональным чутьем на слабость, не говоря о пылком темпераменте. “Почему, — может спросить критик, — во второй строчке автор употребил прошедшее время, а во всех остальных случаях всегда употребляет настоящее? Означает ли это, что “фонарифей” удалились, и “лирический герой” пытается догнать их? А, может, это просто автор пытается догнать рифму?*. Далее, в природе нет ничего, что говорило бы о способности живой изгороди “вздыхать”, а травы — “петь”. Что же касается умения дороги “ползти прочь”, то поэту, по-видимому, всего лишь пришел в голову каприз спроецировать на пейзаж некое свойство, извлеченное им из глубин собственного существа. Вот почему мы “неверим” лирическому герою, когда он якобы слышит зов рогов. А как насчет “зачарованных лепреконов”? Их кто-то “зачаровал”? Или это они “зачаровывают”? А может, вообще все лепреконы всегда зачарованы, то есть относятся к разряду существ волшебных, а значит, нереальных? Поэт отказывается дать определенный ответ. Это уклончивое стихотворение, стихотворение, в котором автор прощает себе решительное.

Поистине, “Вот дорога, посмотри!” Дорога, ведущая в никуда!” Так мог бы звучать приговор критика, и спорить бы было трудно. Читатели “Властелина Колец” в добавок заметили бы, что в этом стихотворении слова “фея”, “гном” и “гоблин” используются пока что без всякого разбору, не говоря уже о пришедших из совершенно другой культуры “лепреконах” и оупрошенном изображении всех перечисленных существ как маленьких, насекомоподобных крохотулек (позже этот прием был Толкином решительно отвергнут). Однако некоторые проблески надежды, несмотря ни на что, в этом стихотворении все же видны.

Что это, например, за дорога, которая “ползет лентой серою”? Уж наверняка, она не залита битумом. На другом уровне этот образ дороги окажется для Толкина одним из самых характерных, важных и часто повторяющихся.

*“The Road goes ever on and on
Kown from the door where it began”***

Странно, но Г. Б. Смит, чьи стихи были изданы посмертно, в предисловии Толкина, друг Толкина по школе и колледжу, через год после начала войны убитый во Фландрии, в стихотворении, напечатанном в том же сборнике “Oxford Poetry” четыремя страницами раньше, обращается к той же теме:

Полузатеряна в холмах зеленых,
Едва заметна на лесной поляне,
Как память об имперских легионах,
Дорога римская подобна старой ране.
Подобные опавшим листьямгоды
Ложатся, неоплаканны, незримо,
Добыча бурь осенних — и народы
Забыв счет годам и славу Рима (8).

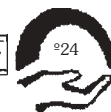

Эта тема времени — очень толкиновская (если мне позволено повернуть дело под таким углом). В опубликованном тридцать девять лет спустя “Властелине Колец”, в сцене прощания с Лориэном (9), эта тема слышна в песне Галадриэли (10) (“*Аи! лауриэ лантар ласси суринен!*”***) (“Ах! Листья сыплются как золото! Длинные годы бесчисленны, словно крыла у деревьев!” (“Властелин Колец”, т. I, с. 554), слышна она и в песне Фангорна (11) (т. II, с. 94). Так что в этом конкретном случае надежда, которую выражал Г. Б. Смит в последнем предсмертном письме, адресованном Толкину, кажется, вопреки всем законам вероятности, сбылась: “Да благословит тебя Господь, дорогой мой Джон Рональд, и да удастся тебе высказать то, что пытался высказать! — пишет Смит. — Когда-нибудь, много лет спустя после того как меня не станет и я лишусь возможности сделать это сам...” (ХК, с. 86). В данный момент, однако, нас интересует “дорога римская”, которая является ключом к тому, что будет сказано далее.

Попытка идентифицировать эту дорогу может показаться извращением. Но, с другой стороны, это не слишком трудно. В окрестностях Оксфорда только две римские дороги, одна из которых сохранилась лучше — это старый тракт, ведущий от Батак Таустеру; он все еще ясно виден на карте как пересекающая ее прямая линия, однако за пределами того отрезка, который приходится на Оксфорд, тракт выродился в простую пешеходную тропинку. Сегодня этот тракт носит название “Эйкман-стрит” (12); это название, также как и “Кузница Виланда”, тоже представляет некоторый интерес для филолога. Например, оно указывает на древние и очень значительные изменения в населенности этого места. Не было города в римской Британии, который носил бы более непосредственно описательное имя, нежели Аква Сулис — буквально “Воды Сула”; здешние источники минеральных вод, с римским курортом при них, были так хорошо известны, что даже англосаксы постепенно начали называть их “*oet badum*” — “у купален”, а позже просто “*Bath*” (“Бат”). Один из этих англосаксов, вдохновившись видом грандиозных развалин, написал о них поэму, известную сегодня под названием “Руины” (13). Однако англосаксы называли город еще и “Эйкманчестер” (“то есть, “Крепость Эйкман”). Вот почему дорога из Бата на Таустер приобрела название “Эйкман-стрит”: люди, которые давали ей это название, знали, что она ведет в Бат, но забыли, что Бат назывался когда-то “Аква Сулис” — они были захватчиками, в культурном отношении стояли у ровнем ниже римлян и не могли использовать дорогу гораздо реже, нежели когда-то римляне. Название дороги и ее понижение в статусе от оживленного тракта до пешеходной тропинки свидетельствует о забвении, в которое может погрузиться цивилизация. Как же реагировали захватчики на исторические памятники, которые они едва могли заметить в этой новой для себя стране — на все эти каменные дороги, виллы, величественные развалины, которые пришельцы туманно (как в поэме “Руины”) называли “*eald enta geweorc*” — “старая работа великанов”²⁴? Названия мест опять дают некоторые предположительные ключики к разгадке.

Примерно в девяти милях к северо-западу от Оксфорда в полу миле от Эйкман-стрит, за рекой Ивенлоуд, стоит древняя вилла, которая была раскопана в 1865 г. и которая в свое время принадлежала некоему римско-британскому аристократу. Достопримечательностью этой виллы являются остатки разноцветного мозаичного пола IY столетия. Деревня, располагающаяся неподалеку, называется Фаулер. Для большинства людей, включая жителей самой деревни, это название не имеет никакого смысла. Однако некогда оно звучало “*Фауфлор*” (зафиксировано в 1205 г.), а еще раньше, на древнеанглийском, “*fagflor*” — “цветной пол, раскрашенный пол”. Почти не остается сомнений, что деревня была названа так из-за близости к вилле с ее мозаичным полом. Значит, когда англосаксы попали в эти места, цветные полы виллы были еще доступны глазу наблюдателя... Почему же тогда они не

заняли виллу, а предпочли поселиться на неразработанной земле, на расстоянии всего нескольких сотен метров от виллы? Ответа никто не знает. Возможно, они чего-то испугались. У этой истории есть еще один причудливый поворот: вангლოსаксонских хрониках упоминается и другой “*fagflor*” — цветной пол в большом зале короля Хродгара из “Беовульфа”, в том дворце, куда наведьвался людоед Грендель (15):

“*onfagneflorfeondtreddode
eodeyrremod;himofeagumstod
liggegelicostleohtunfaeger*”****.

Так звучит одна из тех классических строф поэмы, которые считаются навеянными “готскими” источниками. Пелили “Беовульфа” в древнем Фаулере? Какие мысли могли появляться при этом у обитателей деревни? Толкин, конечно, знал “Беовульфа” практически наизусть, и ему было известно, что означает топоним “Фаулер”; в написанной им в 1926 г. рецензии на книгу “Введение в историю топонимов” он с радостью приветствовал открытие этимологии этого слова, отметив, что побудительной причиной к занятиям этимологией топонимов, является “любовь к английской земле”, к “обретению случайных, но волнующих светлых пятен в туме” (IWES 5, с. 64). Названия дорог тоже его интересовали. Загод перед тем он доказывал, что название “Уотлинг-стриг” служило когда-то наименованием Млечного Пути: это “древний мифологический термин, который изначально, после английского вторжения, соотносился еще одной “*ealdentageweorc*” (а именно, римской дорогой из Дувра в Честер)” (IWES 4, с. 21). Не забывал он также Бат и “Руины”. Услышанная Леголасом “жалоба камня” (“Содружество Кольца”, с. 424)***** — тоже адаптация отрывка из поэмы “Руины”*****. На каком-то этапе жизни Толкин должен был непременно зафиксировать все странности выводов и догадки, к которым вела “Эйкман-стриг”.

Появлялись ли у Толкина эти догадки в 1915 г., могли он делиться ими с своим другом Г. Б. Смитом? Является ли поиск Страны Фейв в “Поступи Гоблинов” чем-то вроде перевода на язык романтических реалий истории “поискового архетипа” (“*questa*”) (18)? Возможно, ответ на оба вопроса — “нет!” Однако если с всевозможной осторожностью освободить факты от домыслов, можно сказать, что, во-первых, Толкин и Смит, по-видимому, полностью разделяли плое чувств к древним дорогам, “старинным прямым трактам” и “извилистым проселкам” Англии; во-вторых, что уже в 1915 г. Смит постиг, как печально сравнивать то, чем были эти дороги, с тем, в что они превратились. В-третьих, прошло не так много лет, прежде чем стало ясно, что Толкин разобрался во всем этом куда полнее, будучи вооружен тем богатством возможностей, которое давало ему обращение к истории, поэзии и современной реальности. Уже в 1915 г. дорога — реальная дорога — вполне могла обладать для него “ползучестью”, основанной на некотором реальном знании, а не просто на высосанной из собственного пальца метафоре. Филология должна была поддерживать и усиливать это. Но уже тогда один из образов толкиновского стихотворения черпал силу исторических фактов. Далее, Толкин уже тогда мыслит слова как “сталактиты”. В третьей строке он использует слово “*flittermice*” (“летучие мыши”). Это не вполне обычное английское слово. Согласно ОСА, оно появилось в XVI веке по аналогии с немецким “*Fledermaus*” (“летучая мышь”). В современном английском “летучая мышь” — “*bat*”. Однако слово “*bat*” в древнеанглийском не зафиксировано. Вполне возможно, что в древности существовало какое-то слово наподобие “*flittermouse*” (множественное число от “*flittermice*” — М. К., В. К.) — например, “**fledermus*”, но зафиксировано это слово никогда не было. Примерно такую же загадку загадывает

слово “*rabbit*” (“кролик”) (см. сс. 62-64, ниже), и Толкин, во второй строфе стихотворения, демонстрирует как минимум осведомленность об этой загадке, используя слово “*soley-rabbits*”. И, наконец, слово “*honey-flies*” (“медовые мухи”) (строка 30) не встречается больше вообще нигде. Из контекста можно было бы заключить, что Толкин имел в виду бабочек (по-английски “бабочка” — “*butterfly*”, дословно “масляная муха” — М.К., В.К.). Впрочем, возможно, он знал о том нежданно грубом смысле, какой это невинное с виду слово имело в древнеанглийском (19), — в языке, который содержал немало грубых и неотесанных выражений, которые позже, пообтершись в употреблении, потеряли острые углы и лишние отростки. К тому же Толкин мог узнать истину просто заглянув в ОСа и найдя там слово “*butterfly*”; по крайней мере, ему пришлось в голову удивиться, почему бабочек называют именно “масляными мухами”, всегда и безочевидной на то причины. Это словесное творчество, допуская, не очень-то много добавляет к общему эффекту “Поступи Гоблинов”; однако, по крайней мере, оно дает показательный образчик попытки скомбинировать поэзию с филологической интуицией. И дороги, и слова указывают на то, что уже в юности внутренняя жизнь Толкина была достаточно сложна и являла пример необычного сочетания эмоциональности и пытливости.

Примечания

* В русском переводе шероховатость оригинала немного сглажена. В оригинале рифмуются существительное *goad* и глагол прошедшего времени *glowed*: к глаголу “*glow*” — “сиять, сияют” — добавлено окончание прошедшего времени *-ed*, иначе рифмы с существительным *goad* не получилось бы. — М.К.

** Буквально: “Дорога всегда идет вперед и вперед / От двери, где она началась.” В русском переводе С. Степанова:

“Бежит дорога вдаль и вдаль;
А что я встречу на пути?” — М.К.

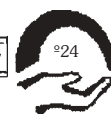
*** Песня Галадриэли написана на языке Высших эльфов, который носит название Квэния, или квенийский. — М.К.

**** “На пестроцветный
настил дворцовый
вступил, неистовый,
вот мне полыхали
глаза, как факелы,
огонь извергали
его глазницы”.

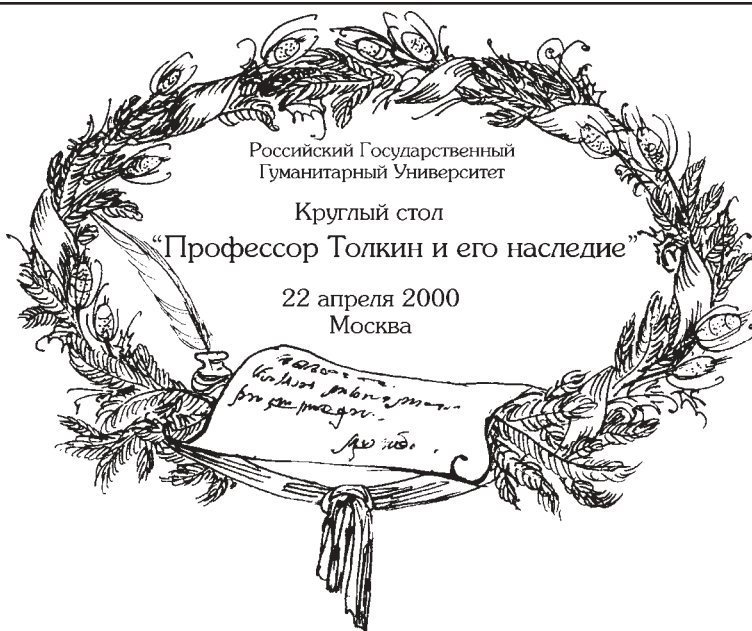
(пер. В. Тихомирова) (16)

***** “Из глубины добыли они нас, искусными руками огранили нас, в дворцах своих высоко вознесли нас — и ушли навек”. — М.К.

***** В переводе В. Г. Тихомирова: “Каменная диковина — / Великанов работа” (14) — М.К.

Содержание

От составителей	с.2
Вступительное слово	с.3
Некоторые аспекты текстологического анализа пяти переводов “Властелина колец” — Н.Семёнова	с.4
Толкин и непротивление... — Н.А.Трауберг	с.7
Проза Толкина и Льюиса: формальное сходство и различная тематика — М.Штейнман	с.11
Подходы к изучению текстов Толкина — Д.Виноходов	с.15
Произведения Толкина: священные тексты или псевдо-исторические хроники? — П. Чистяков	с.18
Отражение европейской королевской традиции в творчестве Толкина” (например “Правды Короля”) — Н.Некрасова	с.22
История Турина: источники и архетипические корни сюжета — С.Таскаева	с.28
Параллельные сюжеты в “Сильмариллионе” и “Властелине колец” как отражение христианства и теории “северного мужества” — К.Кинн	с.48
Толкинизм как элемент неорелигиозности — М.А.Сиверцев	с.50
Рассмотрение истории и смысла культуры толкинизма — А. Баркова	с.58
Из истории толкинизма в России — Н.Семёнова	с.60
Толкинизм как рецидив мифологического сознания — Д.Громов	с.62
Мифологическое мышление толкинистов — А.Баркова	с.64
Магические обряды в толкинизме — Н.Филимонова	с.67
Почему толкинизм не есть религия — И.Шрейнер	с.71
Так не было, но так могло быть — О.Лошманов	с.74
Феномен толкинизма — И.Шрейнер	с.76
Заключительное слово	с.80

---- Приложение ----

Несколько слов в защиту эскапизма от эскапизма — И.Шрейнер	с.82
Толкин еще ждет своего русского переводчика — М.Hooker	с.86
“Обретение Себя” в толкинизме — К.Ярцева	с.88

От составителей

Рассматривая религиозную картину в течение последних десятилетий складывающуюся в России и странах СНГ, мы не можем обойти вниманием такое явление как толкинизм. На благодатной, тогда еще советской, почве он зарождается после публикации ряда переводов произведений английского писателя, филолога Дж.Р.Р.Толкина: трилогии “Властелин колец”, книг “Хоббит” и “Сильмариллион”. Представленные вниманию читателей в конце 70-х, эти тексты вызвали резонанс в кругах интеллектуальной элиты, что способствовало оформлению толкинизма в молодежное субкультурное движение с элементами неорелигиозности.

22 апреля 2000 года в Профессорской аудитории РГГУ был проведен круглый стол, посвященный Профессору Толкину и его наследию. Цель заседания — рассмотрение феномена толкинизма от его истоков в творчестве Толкина до оформления в социо-культурное явление. Круглый стол был разделен на две части, первая из которых посвящалась текстологическим исследованиям произведений Профессора, вторая — рассмотрению толкинизма в России. Проблематика докладов первой части затрагивала вопросы существования различных подходов к тексту Толкина (Д.Виноходов) и его восприятия (П.Чистяков), русских переводов произведений (Н.Семёнова), влияния на толкиновские сюжеты различных традиций и мифологем (Н.Некрасова, С.Таскаева, К.Кинн). Сопоставлению трудов Толкина и Льюиса был посвящен доклад М.Штейнман. В рамках первой части прозвучал доклад известного переводчика Н.Трауберг.

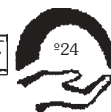
Во второй части заседания с различных позиций рассматривалась культура толкинизма (М.Сиверцев, А.Баркова, И.Шрейнер), ее соотношение с магией (Н.Филимонова) и неоязычеством (А.Сальникова), тексты и течения, появившиеся внутри движения (О.Лошманов, И.Шрейнер). Особое внимание уделялось мифологическому сознанию представителей толкинизма (Д.Громов, А.Баркова, К.Ярцева).

Живейший интерес всех присутствующих вызвал вопрос возможности рассмотрения толкинизма в контексте неорелигиозности. В связи со сложившимся в России негативным восприятием неорелигиозных движений, особенностями российской субкультурной среды, выраженными в отрицании любых оценочных установок извне, а также с наличием в движении людей, принадлежащих к определенным религиозным группам, большинство участников круглого стола (членов движения) протестовали даже против постановки подобного вопроса.

В процессе дискуссии обострились противоречия между представителями различных групп внутри толкинизма: сторонников “традиционного” прочтения произведений Толкина и последователей неоязычества, течения, основанного на авторичном (по отношению к Толкину) тексте, “Черной книге Арды”.

В процессе работы организаторы и участники заседания пришли к выводу о необходимости проведения дальнейших встреч, тематика которых посвящена более узкому кругу проблем. В частности планируется обсуждение понятия “толкинизм” в рамках неорелигиозности и создание одного четкого определения этого понятия.

В данном сборнике представлены тексты докладов участников круглого стола и фрагменты дискуссии. При этом вопросы докладчикам и ответы на них помещены непосредственно

после выступлений, хотя на проходившем круглом столе время для проведения дискуссии было отведено в конце каждой части. С целью сохранения особенностей стиля докладчиков тексты выступлений подвержены минимальной правке.

В сборник включены также статьи некоторых представителей движения по их желанию.

А. Сальникова, К. Ярцева, П. Чистяков

Вступительное слово

Уважаемые коллеги!

Мы рады приветствовать вас в стенах Российского Государственного Гуманитарного университета.

Сегодня здесь проводится круглый стол “Профессор Толкина и его наследие”. Эта тема, поднимавшаяся уже не раз, вызывает в настоящее время живой интерес.

Цель нашей встречи — рассмотрение феномена толкинизма от его истоков до наших дней, от его генезиса в тексте Толкина до дальнейшего развития в движение. Не случайно тема круглого стола определена настолько широко: и текст Толкина, и сам толкинизм настолько многогранны, что разговор о них сложно (если не невозможно) свести к какой-либо частной проблеме. Конечно, о Толкине написано и сказано очень много, однако эта тема вызывает все больше и больше новых вопросов. Мы надеемся, что по крайней мере часть из них будет поднята и рассмотрена в процессе нынешнего обсуждения.

Несколько слов о структуре сегодняшнего заседания: во время проведения круглого стола будет заслушан ряд докладов, затем предполагаются вопросы докладчикам и дискуссия, в которой могут принять участие все желающие.

Цель круглого стола предполагает широкий круг тем докладов — от текстологических вопросов перевода произведений Толкина до различных элементов толкинизма, поэтому нынешнее обсуждение будет разделено на две части. В первой части круглого стола прозвучат доклады, посвященные Толкину и его тексту, содержащие тематику от текстологии Толкина до интерпретации его текстов. Во второй части мы услышим доклады, о толкинизме, рассматривающие ряд аспектов движения.

По итогам работы круглого стола планируется издать сборник, содержащий доклады, произнесенные сегодня.

Наша сегодняшняя встреча — первая и пробная. Хотелось бы, чтобы нынешнее мероприятие открыло ряд подобных обсуждений. Нам планируется дальнейшая деятельность в этом направлении — в том числе проведение встреч, посвященных толкиновской тематике. Будем надеяться, что после сегодняшнего обсуждения, объединившего в себе множество вопросов, станет возможным вынесение в качестве темы встречи какой-либо конкретной проблемы.

Толкинизм — явление необычайно многогранное, многоплановое, со своей непростой внутренней структурой. Сегодняшний круглый стол в силу широты заявленной темы должен поднять множество вопросов и проблем; возможно, не все из них будут детально рассмотрены в процессе обсуждения, но сейчас могут обозначиться наиболее важные темы, которые станут основой будущих подобных встреч.

Наша главная задача — проведение конструктивного диалога, определение наиболее важных и интересных вопросов. Все это сейчас перед нами.

П. Чистяков

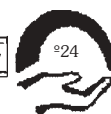
Наталья Семёнова

Некоторые аспекты текстологического анализа пяти переводов “Властелина Колец”

Данный доклад составлен на материале статьи, которая находится в печати и выйдет в состав сборника “Альманах переводчика”. Статья посвящена сравнительному анализу пяти опубликованных переводов трилогии Толкина. Это перевод “Повесть о Кольце” З. Бобырь, перевод В. А. М., перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого, перевод В. Муравьева и А. Кистяковского и перевод М. Каменкович и В. Каррика. Мы попытались, отталкиваясь от текста, выявить коммуникативные установки переводчиков. Исследование позволило условно разбить пять существующих переводов на четыре группы.

Упрощенный, или “адаптированный”, перевод. К этой группе мы бы отнесли перевод В. А. М. (В. А. Маториной) и перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого. Среди особенностей этих переводов назовем следующие: Маторина игнорирует различие “высокого” и “низкого” стилей речи персонажей Толкина, словарь переводчика в целом довольно беден, лексика однообразна. Перевод Григорьевой и Грушецкого имеет очень много сокращений, стилистические особенности также игнорируются. Позиция переводчиков Григорьевой и Грушецкого была высказана ими во вступительной статье: “В работе по переводу трилогии для нас принципиально важно было попытаться передать смысловую составляющую, не всегда прямо выраженную, не отрываясь слишком далеко от самого текста”. Миссия Фродо, как нам кажется, является этой основной смысловой составляющей, выделенной переводчиками. Поэтому многое, непосредственно несвязанное с этой сюжетной линией, было сокращено в переводе. Например, начало второй части трилогии. Многие главы сокращены наполовину, в других пропуски идут целыми абзацами. Еще одна особенность, позволившая нам отнести эти два перевода в группу “упрощенных” — значительное количество кальки английского языка, неудачных эквивалентов перевода. Вот несколько примеров: “Толпа орков раздалась и кинулась в разные стороны” (перевод Григорьевой и Грушецкого); “Есть ли лебедь в городе?”; “Это любимое мастерами Гондора дерево”. Перевод Маториной предоставляет гораздо больше материала для подобных исследований, вот только три примера: “Надеюсь, кольценосные призраки оказались рассеянными, и им пришлось вернуться в Мордор”; “В руинах гномьего государства гномьюголова не так легко будет сбивать пути, как эльфийскую, человечью или хоббитью”; “Разу Эндальфа голова светлая и неприкасаемая, поищем другую”. Прилагательное “неприкасаемая” употреблено в строго противоположном смысле: видимо, хотели сказать “неприкосновенная”, но ошиблись.

К второй группе переводов мы бы отнесли перевод В. Муравьева и А. Кистяковского. Из всех рассматриваемых нами переводов, он, как нам представляется, наиболее благополучен в плане владения языком и стилями речи различных персонажей, однако заметно более экспрессивен по сравнению с оригиналом. Из всех экспрессивных мотиваций мы бы выделили прямую агрессию. Стилистически агрессивные высказывания вкладываются даже в уста

таких миролюбивых персонажей, как Сэм Гэмджи. Переводческую стратегию мы в данном случае охарактеризовали бы как попытку максимального приближения эпопеи Толкина к русскому читателю, то есть, фактически, *русификации произведения Толкина*. Как пишет В. Муравьев в своем предисловии к переводу: "Волшебный мир, по которому странствовал господин Торбинс, во всем таковой же волшебный. Это наш мир, но неопознанный. А опознание дается опытом". Этой цели в переводе служат и переводы названий: "длань", "перст", "супостат"; утрированно-былинный стиль как перевод высокого, с элементами архаики, стиля оригинала: "Да будет ведомый всем вам Гэндальф Серая Хламида, муж совета и брани, отныне и присно желанным гостем нашим, сановником Ристании и предводителем эорлингов". Этот прием, способствующий, условно говоря, узнаванию текста русским читателем, местами приводит, на наш взгляд, к недопустимой вольной трактовке оригинала. Так, предпоследняя глава трилогии "Оскверненная Хоббитания" является бойкой художественное описание бунта в советской зоне, а орки — современных нам лагерных зеков. Это подтверждается лексикой: "реквизируют", "вделях разверстки", "пайка", "курево" "бараки", а также избыточная непечатная ругань как со стороны орков, так и со стороны хоббитов.

К третьей группе мы бы отнесли попытку Каменковичи Каррика создать "академический" вариант перевода. Этот перевод снабжен обширными комментариями, которые по объему сами могут составить еще один том к трилогии "Властелин Колец". Впечатляет также библиографический справочный аппарат издания: в комментариях были использованы 15 источников, из них 11 — на английском языке. Имеется именной указатель и указатель слов и фраз на роханском и эльфийском языках. При всем уважении к титанической работе, проделанной переводчиками при комментировании текста, следует отметить, что в самом тексте перевода имеются значительные погрешности против русского языка, а также ошибки при переводе с английского. Помимо этого, комментаторы делают явный акцент на близости философских постулатов Толкина христианской морали, приводя примеры из православных Евангелий и трудов Павла Флоренского. Выражению этой позиции Каменковичи и Каррика служат произвольные добавления и в самом тексте перевода: "Боюсь, я тогда утратил терпение, так же лаля обратит тебя в свою веру" ("обратит в свою веру" — перевод нейтрального "убедить" оригинала); "И в черные годы поклонялись Саурону и приносили ему жертвы" ("приносили ему жертвы" добавлено); "Здесь живут Келеборн и Галадриэль", — благоговейно произнес Халдир" ("благоговейно" добавлено), "К маленькому путнику, затерянному в мрачной, всеми проклятой стране внезапно вернулась надежда" ("всеми проклятой" добавлено); "Фродо сидел, привалившись спиной к скале, и спал сном праведника" ("сном праведника" добавлено). Все эти явления складываются в систему, и позволяют нам говорить об определенной концепции.

В отдельную группу мы выделили перевод, являющийся, на наш взгляд, очень *вольным переложением* оригинала. Это "Повесть о Кольце" Зинаиды Бобырь. Особенности этого перевода позволяют говорить об изменении жанра произведения, попытке переделать текст Толкина под традиционную сказку: очень сильно сокращен текст, характеры героев в значительной степени упрощены и даже утрированы (например, Гондорец Боромир выступает как однозначный отрицательный персонаж). И, кроме этого, в тексте имеется дополнительная сюжетная линия, отсутствующая у Толкина. Это история об Испепеляющем Венце. В изложении Бобырь, Саурон захватил одно из сокровищ Гондора, Испепеляющий Венец, дающий все сведения о том, кто достоин, и испепеляющий недостойного. Но, не имея Кольца, Саурон не осмеливается воспользоваться венцом. Арагорну же нужен этот венец, так как без него он не может взять в жены эльфийскую принцессу Арвен. Таким образом, основной акцент сюжета переносится на Арагорна, выигрывающего схватку с Сауроном и получающего награду — эльфийскую царевну в жены и царство в придачу. Фродо же в данном сюжете

отводится лишь вспомогательная роль сказке про Арагорна (чему находит подтверждение в самом тексте перевода Бобьрь).

Во всех рассмотренных случаях можно говорить о наличии заранее определенной переводчиками коммуникативной цели, предполагающей отражение в переводе одной из многих специфических черт оригинала. Это приводит к неизбежным потерям на прагматическом уровне. Однако, нам кажется, что именно в этой особенности переводов следует искать причины того, что сосуществуют они мирно, не составляя заметной конкуренции одному. Этот факт позволяет надеяться на появления новых переводов трилогии Толкина.

Вопросы:

Д. Виноходов: Каково ваше отношение к новому переводу “Властелина колец”, вышедшего в издательстве “Армада”?

Н. Семёнова: К сожалению, я не знакома с новым переводом и не знаю, действительно ли он вышел в издательстве “Армада”.

Комментарий из зала: Вы сказали, что В. А. М из Новосибирска, на самом деле она с Украины.

К. Кинн: В основе перевода Каменковича — Каррик лежит перевод Маториной.

Н. Семёнова: Рамки доклада не позволяют все это осветить...

Д. Виноходов: Как вы относитесь к упрощенным пересказам текстов

Толкина, которые публикуются в антологиях школьных произведений?

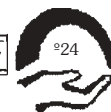
Н. Семёнова: Я отношусь к переводам, которые существуют, как к факту жизни. Здесь уже приводилась цитата из Профессора о том, что “я однажды хотел создать целый мир так, чтобы высокие создания питали меньшие, а те опирались на большие”, и мне кажется, что та же самая ситуация распространяется и более широко: имеющиеся переводы отражают разные подходы к текстам Толкина. Ни один из них не отражает его полностью, но мы имеем как тексты-сказки; тексты-переделки; тексты, написанные по мотивам, так и тексты, отражающие и более выпукло представляющие один из аспектов трилогии. Это не значит, что охвачен весь Профессор. И наверняка еще будут появляться тексты, которые покажут нам, какие аспекты не были затронуты, не были представлены вниманию читателей. Поэтому — как я отношусь к упрощенным пересказам? Как к факту жизни. Как к неизбежности. Толкин неизбежен. Неизбежно появление “Черной книги Арды”...

Наталья Леонидовна Трауберг

Толкин и непротивление...

Я собираюсь сделать не филологический доклад, а нечто вроде свидетельства экспоната, и это уже касается скорее толкинизма, чем Толкина. Я действительно, экспонат, потому что прочитала Толкина в 70-м году (в самом конце 70-го), когда его читали человек три. История

была такая: Владимир Сергеевич Муравьев, работавший в библиотеке Иностранной литературы, совершенно ошалел от этой книги, стал скатать отзывы, что там о ней пишут на Западе (еще не писали ничего, потому что бум этого ошибочного поклонения Толкину, поклонения не тому Толкину, который писал, еще был впереди), но мы тем не менее оказались здесь шпионерами, потому что тут же он дал Кистяковскому, и Аверинцев прочитал, и такой покойный ныне замечательный молодой ученый, аспирант Аверинцева, Сережа Серов... в общем, человек пять прочитали эту книгу, и тоже ошалели.

Причем, тут же распались на две группы: мы с Серовым и Аверинцевым представляли одну группу, Муравьев с Кистяковским — другую. Мы стали немедленно спорить с тем, что это такое: чистая схватка Добра и Зла, чрезвычайно любезная подростковому сознанию (не применительно к будущему: мы не думали, что книга будет так знаменита, но ясно, что это подростку свойственно: “я тебе в глаз — ты мне в глаз”, и вот Добро побеждает Зло) или же это поразительная по своей силе, буквально перекликающаяся с писаниями католического мистика де Коссада, проповедь предания себя воле Божией и Промыслу (Промысел все решает, и чем меньше ты противишься, чем больше жалеешь — тем лучше). Передать не могу, какого накала достигли эти страсти, но поскольку та часть, которая была за второе решение и читала Толкина только так (а читали мы его совершенно не переставая), сама старалась практиковать непротивление, то никто не ссорился, и ничего страшного не происходило. Мы только очень спорили (самое страшное, что было произнесено это... я сказала Муравьеву, что если он до сих пор хочет быть Боромиром, то все — таки пусть он посмотрит по сюжету, что в значительно большем выигрыше оказался Фарамир. Вот это уже был предел ужасов, которых мы достигли в собственной борьбе).

(Мы тогда произносили так. Я не знаю, как надо в действительности произносить, потому что когда говоришь с англичанами, они произносят настолько странно, что там ударений никаких нет, и единственное, что я уже твердо знаю, что никаких Толкинов тоже нет, потому что предел того, что они говорят — это [tolk'i:n]). Мы спорили об этом, тем временем шли 70-е годы. Муравьев принес сведения о том, что книга произвела фурор, и мы очень удивились, потому что ясно коту... (кстати, коты участвовали в всей этой истории, одновременно шел такой культ Кота (многих котов, но в частности — кота Иннокентия Котена Грея (Innocent Cotton Grey), который стал первым и бессменным председателем Честертоновского клуба)... им же или при близительности так, как рассказано в романе Льюиса “That Hideous Strength” (“Мерзейшая мощь”): воспитывали медведя, то есть кормили кота, читали, страдали совершенно неопишимо (Сэм в горах так не страдал, как страдали мы), и делали из этого некие выводы. Толкин все время (и все больше) был для нас источником надежды, мы даже совершенно всерьез читали (и повторяли его крик) воззвание..., когда на этом странном языке он взывает к небесам. Тот кусочек, когда Сэм лежит и уже совершенно потерял всякую надежду — это было просто прямое описание нашей жизни.

Тем временем, все усиливались эти направления. То направление, которого придерживался Владимир Сергеевич и покойный Андрей Андреевич, крайне распространено, иначе это никаким образом не могло бы перейти в типичную шпионскую “Зорьку”. Но все-таки надо помнить, что существует и другое прочтение: так читали англичане, друзья Толкина, на это претендовал он сам (человек отнюдь не такой уж непротивленческий, но очень хороший католик и прекрасно понимавший, что его личные свойства — склонность к депрессиям, ворчание и прочее — это еще не оправдание спорить с тем, что говорится в Евангелии) — и вот такая крохотная струйка существовала, причем она себя оправдывала. Вот почему я подчеркиваю, что мое сообщение никак не филологическое — я рассказываю о том, как сюжеты “That Hideous Strength” и самого Толкина проигрались в жизни. Они все сбылись

—ведьровнотакразворачиваласьжизнь,ровнотакпроисходиловсенасвете.Жизнеподобие Толкина заключает в том, что его сюжеты были совершенно точным рассказом о конкретной жизни в человеческих условиях. И Льюис, и Толкин (Толкин — лучше, Льюис — хуже, но это уже зависит от степени их дарования), рассказали о той модели жизни, когда трусоватые, достаточно слабые, достаточно смешные существа, абсолютно неспособные жить в предложенных условиях, полагаются на волю Божию, делая какую-то крохотную работу вокруг себя (нести Кольцо или переводить самиздат или воспитывать кота), то, что Бог в данный момент заповедал.

Все особенности перевода Владимира Сергеевича и Андрея Андреевича (особенно Андрея Андреевича: он был невероятно пылок... последний наш разговор был как раз об этом...) отражают прямое их отношение к этой книге, они хотели сделать ее манифестом эзковского бунта, и подчеркивали это любым способом — книга использовалась тогда как прямая прокламация. Они ее использовали как прокламацию, достаточно длинную, но ответственную, а мы, не смея прикоснуться к ней (ни один из нас не решился бы ее переводить... я до сих пор не знаю, как переводить Толкина, и не взялась бы), мы старались, не вводя туда слов “благоговейно”, каким-то способом передать это удивительное свойство, что эти уютные маленькие существа своим терпением, кормлением зверей и жалостью к Голлуму спасают мир.

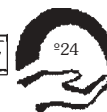
Вопросы:

К. Ярцева: Бытует легенда о споре между Толкином и Льюисом о том, что Толкин может написать богословскую книгу, не используя богословских терминов. Правда ли это или только легенда?

Н.Л. Трауберг: Англичане с аминезнают, легенда это или нет. Одни считают да, другие — нет, и даже ищут так. Что реально? Реально, что оба они, какими бы филологами не были, все равно были христианами. Даже Толкин, который не был прямым апологетом и проповедником, хотел не только играть в это и не только чему-то подражать, а именно сказать то, что за пределы филологии выходит.

И существует попытка воссоздать разговоры в пивной, в той пивной, где они все сидели. Это попытка Питера Кри (ф) тавоссоздать разговор Инклингов, огромная нудная пьеса, где они из кусочков писем, из всего прочего делают настоящей их беседу (Я не думаю, что беседы были такие: они там просто декларируют (это, скорее, у них бы круглый стол получился!). Они же все-таки пили пиво! Я сама в этой штуке сидела — там так не побеседуешь). Несомненно, Крифт просто сделал схему, а что-то подобное было. И поскольку он сам апологет, он это сильно сдвинул в сторону апологетики: каждый что-то вещает.

И что Толкин хотел создать такой мир, параллельный мир, где бы ни звука не было о надоевших богословских спорах — это, конечно, так. Причем, ему это не удалось ничто. (Вы видите, что делается: Меняются знаки, остается факт совершенно нехристианской борьбы... Что

там! Даже мысли о любезной Арон Яковлевичу (*Гуревичу*) и чрезвычайно трогательной гибели, как сути героизма языческого, (это все-таки смутное предрешение, смутное провидение одной части христианского решения дела!) — и этого нет. Просто “я тебя победила” и спасибо). Так что это все совершенно естественно, и его затея не удалась ни капельки, равно как и не удалась затея Льюиса, как по-видимому, никакая христианская проповедь в мире вообще никогда не удаётся (попритчеосеятеле): три человека это понимают, остальные делают что-то прямо наоборот. У Толкина “наоборот” это больше, у Льюиса — к сожалению, меньше, но значительно противнее: когда берут неопиты, начиная с 70-х гг. уже прямую проповедь Льюиса и превращают..., то это получается хуже. Толкин хотя бы ничего не профанирует. Вот этот параллельный мир существует и существует. Если ты начисто не хочешь принимать никакие христианские плат — то и не принимай, и играй в игру, которая твоему подростковому дуалистическому мировоззрению годится. А Льюис получает совсем уже гадость какая-то. Поэтому очень хорошо, что он не стал слишком популярным. К сожалению, в церковной среде стал. Типично для церковной среды брать Льюиса и говорить: “Наши дети совершенно точно следуют сказкам Нарнии”. Причем смех заключается в том, что во всех их прекрасно знаю, 20 лет занимаюсь. Я сказала, что знаю двух мальчиков, на которых начисто не повлияли сказки Нарнии (это не относится к филологическому спору, но интересно), а их мама сказала: “Что вы такое говорите, они просто все просветлели и переменились”. Но интерес заключается в том, что старший мальчик в данный момент снова бросил беременную жену. Это никакое отношение не имеет, но я-то знаю, я помню. Это все было на моих глазах, что читали они эти сказки Нарнии, совершенно не принимая того, что в них было сказано. Если ребенок действительно как-то совершенно непостижимым для меня образом к такому мировоззрению готов — он и будет работать на это. А если не готов — пусть лучше в это не играет. Поэтому Толкин сравнительно безопасен. А что он хотел создать что-то подобное из проповеднических соображений, чтобы не профанировать и не было таких ужасов, по-видимому, да. Я думаю, да. Хотя прямых свидетельств об этом нет.

Иззала: А что это за Кри(ф)т, о котором Вы упоминали?

Н.Л. Трауберг: Есть такой Питер Крифт, как они его называют, “Luslideheader (?)”. Но он не “luslide”, он значительно нудней. Но она полагает, действующий, почему-то никак не удается узнать год его рождения, но я так предполагаю, Г 50-й. Он в Бостоне, католик, тоже филолог, который сейчас это бросил и пишет аполлологии, иногда очень хорошие, иногда... Пьеса такая... Я забыла, где она. Я ее читала в Америке, в архивах Льюиса и Толкина. Он пытается создать такой “liser (?) drame”. Естественно, играть это совершенно невозможно. Длинная-длинная попытка воссоздать разговоры в пивной.

Иззала: Забавная вещь: автор Вторичного мира сам становится сюжетом литературного произведения.

Н.Л. Трауберг: Да, он (Крифт) делает страшную вещь: пытается таким вещательным образом зарегистрировать, что он и все проповедники. Я думаю, что успех у него, такой же как у них.

Комментарий Иззала: Возможно, я Вас не очень хорошо поняла, но мне кажется, что Вы сказали, что неявная проповедь Толкина в “Властелине Колец” успеха не имела. Мне же кажется, что я знаю по крайней мере несколько человек, для которых “ВК” послужил одним из первых толчков к христианству.

Что же касается того, что под влиянием сказок Нарнии мальчики просветлели, а потом вот так нехорошо вышло с беременной женой, можно вспомнить. Что в самих сказках Нарнии девочка Сьюзен сначала была такой хорошей. Побывала в Нарнии неоднократно даже была там королевой, а потом стала просто обыкновенной пошлой мешанкой и сказала:

“Ну, как вы можете играть в эти сказки?”

Н.А. Трауберг: Простите, я с конца.

Мальчики никогда не просветлели. То, что у него сейчас с женой, в 24 года, еще 40 раз переиграется. Это как раз страшно: блудный сын гораздо легче делается из таких поступков, чем из-за того, что он поддакивает маме, но никаким образом не светлеет. Они были обыкновенными мальчиками, которые читали ее, потому что вместо пионерских книжек им подсунили Нарнию, тогда еще самиздатовскую.

Что касается обращения, то смотря куда обращаться. Мы же знаем, что обращения, начавшиеся в нач. 60-х, но реально развернувшиеся уже в 70-х, в общем-то, к особенному христианству не привело. Оно привело к некой смеси тяги к сакральному, что дает любая религия, и острому ощущению запретов. Т.е. это будет что угодно минус Евангелие. Сейчас наше главное несчастье заключается в том, что религиозных людей много, а христиан как мало было, так мало есть. Конечно, ополномотсутствию успеха у какого-либо проповедника говорить не приходится: какой-то малый, крохотный остаток всегда есть. Что Толкин в своем таком отредактированном понимании очень способствовал религиозности без христианства — я видела просто: 30 лет только на это и смотришь.

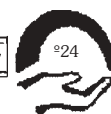
Простите, я задержу дискуссию, но расскажу притчу. Я лежала в больнице, и там были космисты. Я первый раз в жизни видела скопление космистов (Рерих,..). Они не знают никакого Толкина, просто кто-то где-то познакомился с какими-то неправдоподобно ключевыми брошюрами. Вот они воссоздают ровно то, что делают из Толкина: они собственными силами, в тяжелой болезни, дожидаясь операции и после нее, как-то приходясь себя, из подручного материала лепят тот мир, крайне дуалистический и совершенно суеверный, с крайним противлением злу, полным отсутствием смирения и какими-то еще штучками, насквозь языческими... Так что Толкин здесь совершенно не нужен. Что “душа по природе христианка” — это еще вопрос, но что душа по природе религиозна — это факт. И вот когда это долго вытаптывалось и за последние лет 30, когда остальные кумиры, языческие. Не языческие, но свои, совершенно расточились, люди стали лепить это. При этом они идут в церковь, а не куда-нибудь еще, потому что предполагается, что здешняя религия — это православие.

Мария Штейнман

Проза Толкина и Льюиса: формальное сходство и различная тематика.

Я планировала рассказать о формальном аспекте сходства между произведениями Толкина (“Властелин Колец”, прежде всего) и Клайва Стейнпаза Льюиса (“Космическая трилогия”), которыми я пыталась заниматься три года аспирантуре.

Что я имею в виду? Дело в том, что в России, в российском литературоведении, основное внимание уделяется все же Толкину (все присутствующие это подтвердят), и произведения Клайва Стейнпаза и Льюиса остаются на периферии и с точки зрения научного сознания, и с точки зрения популярности. И, более того, граница между ними все расширяется, потому что Толкин начинает потихонечку связываться с культурой молодежной (и уже связался: я имею в виду имя его) и с определенным направлением в исследованиях, а Льюис как бы принадлежит к другому течению. Льюис пишет вещи философские, философско-теологические, а Толкин работает над Вторичным миром, куда все по мере своих сил и возможностей стремятся. И отсюда это странное явление, когда возникает термин “неоязычество” по отношению к Толкину: для этого, видимо, есть основания в молодежной культуре, но я думаю, что сам автор очень бы удивился.

Если внимательно проанализировать “Властелина Колец” Толкина и все три книги “Космической трилогии” Льюиса (где, на мой взгляд, самая выразительная как раз заключительная – “Мерзейшая мощь”), мы обратим внимание на целый ряд сходств на уровне сюжета, художественного пространства, художественного времени и на уровне героя, ибо, как это ни странно на первый взгляд, герои Толкина и герои Льюиса схожи, и это сходство не случайно (я сейчас не рискну разворачивать цитаты, которые должны подтвердить мою точку зрения: желающих могу отослать к рукописи диссертации, которая лежит в библиотеке РГГУ). Благодаря такому сходству мы приходим к очень интересной мысли: Толкин и Льюис формально используют одни приемы. Значит форма, возможно, жанровая форма, сходна, а это значит, что несмотря на кажущееся различие тематики (у Толкина – роскошный эпический мифологический мир, у Льюиса – менее увлекательные истории, более похожие на дидактические примеры) перед нами не пример жанра фэнтези, а нечто гораздо большее, и, значит, источники или предшественники Толкина, и Льюиса нужно искать у Вильяма Воррисона, Эрика Эдиссона и лорда Дансина, как уже установилось, а гораздо глубже: у Честертона, ибо там огромное количество пересечений, у Джорджа Макдональда...

А раз так, то перед нами, повторюсь, явление неизмеримо более сложное, чем кажется порою. И поэтому, на попытку сказать, что Толкиниего “Властелин Колец” – не более чем беллетристика, будет ответ, именно потому, что форма, которую выбрали Толкин, и Льюис, была нужна им с совершенно определенными целями. Но самое главное: она не была самоцелью, на чем иногда настаивают традиционалистски настроенные критики.

Вот пример, доказательство того, как силен стереотип беллетристики, связанный с Толкином: до того, как заниматься этой темой в аспирантуре, я защищала диплом, и моей руководительницей была очень умный человек, профессор литературы, но старой школы. Когда я встала, и, вся дрожа, принялась излагать свою тему, изложила ее, и слово было дано моему руководителю, профессор сказала: “Ну, я, конечно, не считаю Толкина литературой...”. И самое интересное, что сейчас наблюдается обратная ситуация: “Толкин – литература! Толкин – больше, чем литература! Толкин – это целый мир, и совершенно отдельный мир, как бы исключенный из литературного процесса”. А это не так.

Вопросы:

Д. Виноходов: Как Вы считаете, можно ли вообще отнести произведения Толкина к жанру фэнтези в его традиционном понимании?

К. Кинн: Сначала “традиционное понимание” сформулируйте...

М. Штейнман: Из чисто спортивного любопытства я перебрала все описания жанра фэнтези, до которых я могла дотянуться, и обнаружила две интересные тенденции. Одна из них: “Дж. Р. Р. Толкин является патриархом и источником жанра фэнтези”. Притом, что

его эссе “О волшебных сказках”, он ни разу не упоминает слово “фэнтези” как жанр, он говорит “фантазия” в значении первичном: фантазия. Асточки зрения жанра он рассуждает о волшебных сказках. Отсюда интересный момент: самый первый критик, Льюис, слово “фэнтези” с таким оттенком по отношению к литературе и жанровости взял вообще в кавычки в его эссе “Попытка критики”. Что касается современной ситуации, то глупо отрицать, что жанр фэнтези не существует, что у него нет формальных признаков. Эти формальные признаки есть, а в русском варианте о них лучше всего сказал товарищ Ник Перумов, причем, сам того не зная: его слова о том, что фэнтези описывает совершенно конкретный мир, где есть сверхъестественные существа и чудесное оружие, а на горизонте маячат фигуры властителей или не очень богов (я cito ирую по памяти, прошу прощения за неточность). Причем парадокс в том, что тот же Перумов, сам того не зная, почти дословно процитировал другого критика, мнение которого было от него оторвано лет на 20 (15 уж точно!), и бо существует немереное число англоязычных критиков, которые примерно тоже и говорят. Это все касательно формы. И в беллетристике жанр фэнтези процветает, и с этим сложно спорить, другое дело, что авторы, которые обращаются к фэнтези в беллетристике, обращаются к ней абсолютно успешно, они преследуют (я надеюсь, меня за это не забросают помидорами...) определенную цель *развлечение*, и *литература* литература, которую читаешь и успокаиваешься. Реализация функции бегство от действительности максимальна. Но, если вспомните, в “Волшебных сказках” Толкина в принципе не идет речь о том, что эскапизм — это единственная функция. Даже если мы жанр волшебных сказок перенесем на “Властелина колец”, с чем можно поспорить. Отсюда моя, частная мораль: я не считаю, что произведения Толкина и Льюиса относят к жанру фэнтези в том понимании, которое я сейчас изложила.

Д. Виноходов: Если книги Толкина не были для него самоцелью...

М. Штейнман: Создание художественного мира, в котором можно жить не было самоцелью.

Д. Виноходов: Есть ли какие-либо данные о выходе толкинистики на серьезный научный уровень? Может быть, Вы знаете, сколько диссертаций в России защищено по Толкину...

М. Штейнман: Диссертаций огромное количество, начиная с 80-х гг. Первый раз я познакомилась с диссертацией на эту тему, очень осторожной, когда при слове фэнтези расстреливали морально на месте и т. д. Но Толкин там фигурирует. Сейчас я думаю, раз в два месяца любой мало-мальски академический институт выпускает человека, который защищает диссертацию по Толкину. В рамках Москвы я это наблюдаю. Интересно, что берется либо аспект языка (лингвистический), либо аспекты поэтики.

К. Кинн: Миф Толкина хоть и имеет вполне прослеживаемые истоки в северной мифологии, в христианской мифологии, все-таки он очень преобразен. Это миф преобразенный. Льюис же наработанные фантастические элементы (очень большое сходство с Уэллсом и опора на артуровский цикл). Учитывает ли Вы, что это разные мифологии, которые используются Толкином как основа для его произведений и Льюисом для его произведений?

М. Штейнман: Конечно, я признаю разницу между мифологией Толкина и Льюиса. Миф Толкина — без сомнения, вторичный миф (игра слов: “вторичный миф”, “вторичный мир” Толкина), без сомнения, гораздо более жизнеспособный. Толкин творит свой миф, тогда как Льюис принципиально стремится к узнаванию культурного материала. И единственное, чем я могу себе объяснить разницу, — это то, что Льюис всё же более дидактичен. В чем смысл аллегории? В узнавании. Толкин, как известно, говорил о своей искренней неприязни, которую питает к аллегоризму в целом. Поэтому единственный материал, где Толкин более менее дидактичен — это его эссе “О волшебных сказках”.

Н. Семёнова: Было бы Вам интересно порассуждать по поводу выделения архетипа,

который лежит в основе Толкина и Льюиса, их героев и сюжетов? Архетипический сюжет, архетипическая мифология...

М.Штейнман: Я очень благодарна за этот вопрос, и об этом стоит поговорить, но если начнется разговор прямо сейчас, я подозреваю, что дискуссия незакончится. Спасибо.

Госпожа Н. из зала: Мне интересно Ваше мнение как специалиста по Толкину и по Льюису одновременно...

М.Штейнман: Это сильно звучит... Я Вам совершенно искренне благодарна за это...

Госпожа Н. из зала: ...у Толкина есть эпизод падения Нуменора. И у Льюиса есть параллельный эпизод в романе “Мерзейшая мощь”. Там есть городишко, не помню, как назывался...

М.Штейнман: Эджстоу.

Госпожа Н. из зала: ...городишко скончался... Мне просто интересно Ваше мнение, даже, скорее, Ваше ощущение: В отличие от падения Нуменора (описание этой истории при чтении вызывает глубокую скорбь, но не вызывает у меня лично неприятия и чувства, что вот как дурно поступили Валар, Эру...), история с этим городишком, несмотря на то, что неоднократно подчеркивается, что все, кому не нужно было умирать на тот момент, все из него успели уехать, тем не менее, она оставляет неприятный осадок. У Вас не было такого ощущения?

М.Штейнман: Отсутствие неприятного осадка по поводу падения Нуменора вполне объяснимо: эпическая дистанция, может быть, даже мифологическая. И непросточитатель, даже действующий илицав книге отделены невероятным промежутком времени, это перешло в ряд, условно говоря, сакральной информации. Что касается Эрдстоу, есть люди, которые упрекают Льюиса в безумной жестокости, и, возможно, они базируются на этих же ощущениях. Сложно сказать. На мой взгляд, Льюис сознательно перенес место действия в третьей части не на другую планету, не в безумно отдаленное от нас время. Действие происходит здесь и сейчас. Может быть, он просто хотел, чтобы нас проняло.

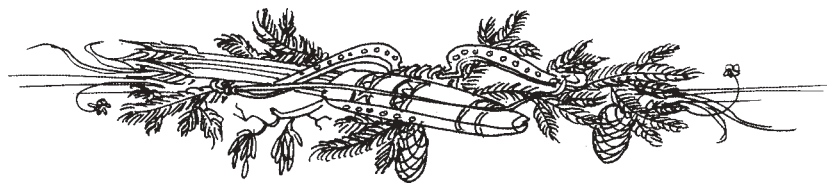
Реплики из зала:

Знаете, у меня нет ощущения эпической дистанции по поводу падения Нуменора. И не у меня одного.

Не затыгивай дискуссию!

Госпожа Н. из зала: Я действительно восприняла это как происходящее сейчас. Ощущение от Эджстоу осталось у меня потому, что рядом сидит эта компания на холме, и они даже не сочувствуют. Такое впечатление, что они даже не почувствовали, им не было жалко этого города.

Н.А. Трауберг: У меня это вызывает отвратительное чувство, я почти не могла это переводить, задерживался перевод самиздатовский, и совершенно героический католик, самиздатчик, в 83 году уговаривал меня к Пасхе все-таки кончить этот самиздатовский перевод, сурово осудив меня, когда я сказала, что вынести не могу как они там смеются... Т.е. там есть, конечно, жестокость.

Дмитрий Виноходов

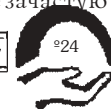
Подходы к изучению текстов Толкина

Среди исследователей творчества Дж. Р. Р. Толкина встречается разное отношение к трактовке текстов относящихся к циклу по истории Арды. Можно выделить и обозначить три основных подхода: филологический, канонистическо-историографический и исторический.

Первый из них, *филологический*, без сомнения, наиболее реалистичный, предполагает понимание книг Дж. Р. Р. Толкина, как литературных произведений, связанных с объективной реальностью лишь через их родство с эпическими циклами народов северной и западной Европы, католической религиозной концепцией и английской литературной традицией. Этот подход весьма ценен тем, что дает возможность вскрыть корни, а так же проследить эволюцию взглядов Дж. Р. Р. Толкина на различные аспекты описанных им событий. Сознвая безусловные преимущества этого подхода, мы вынуждены констатировать его явную недостаточность для решения тех задач, которые связаны с анализом внутренней повествовательной структуры и событийной стороны его книг.

Два других подхода сталкиваются книги Дж. Р. Р. Толкина, как некие квази-исторические документы, чудом сохранившиеся в течение многих веков, и описывающие события, произошедшие в далеком прошлом. Но между ними есть существенная разница. *Канонистическо-историографический подход* основан на безоговорочном доверии к тем текстам, которые исследователь считает “каноническими”, и полном отрицании фактов, описанных в текстах неканонических, в том случае, если факты эти противоречат каноническим текстам. Существуют разные мнения относительно того, какие тексты следует считать каноническими. В зависимости от ситуации, к таковым могут относиться: а) книги, опубликованные самим Дж. Р. Р. Толкином при жизни (“Хоббит”, “Властелин колец”), б) “серьезные” произведения, которые Дж. Р. Р. Толкино опубликовал, или планировал опубликовать (“Властелин колец”, “Сильмариллион”, но не “Хоббит”, который, якобы не серьезен и написан исключительно для малышей), в) только самые последние по времени написания мысли Дж. Р. Р. Толкина, относящиеся к какому-либо конкретному вопросу.

Подобное отношение к книгам Толкина вызывает у нас решительное возмущение. Дело в том, что сам писатель очень бережно относился ко всем своим произведениям, но предпочтение, по-видимому, все же отдавал именно тем из них, что так и не были опубликованы при его жизни. “*Им [издательству Allen & Unwin – ДВ] было нужно продолжение “Хоббита”. Но мне были нужны героические легенды ввысокий романтизм*” — пишет Дж. Р. Р. Толкин в письме к Кристоферу Бретертону. Кристофер Толкин по этому поводу тоже высказывается достаточно определенно. В предисловии к “Книге утраченных сказаний он пишет: “...не вызывает сомнения тот очевидный факт, что для создателя Средиземья и Валинора в сей эпохи, страны и обитатели взаимосогласованы и неразрывно связаны в независимости от художественной формы и от того, как преобразались отдельные части замысла на протяжении всей его жизни”. Поэтому канонистическо-историографический подход, независимо от того, какие тексты считать каноническими, нам кажется ущемленным в той же мере, в какой ущемлено толкование реальных исторических событий, основанное на каком-либо одном историческом документе. Кроме того, этот подход противоречит самому себе. Если мы считаем тексты, написанные Дж. Р. Р. Толкином некими списками, либо переводами реально существовавших квази-исторических текстов, то и относиться к ним следует, как к различным переводам различных полноценных текстов, реально существовавших в нескольких вариантах, из которых противоречащих друг другу (как то наблюдается сплошь и рядом среди документов реальной истории человечества), а не как к черновикам одного и того же текста. Ситуация усугубляется тем, что даже в одной и той же книге зачастую

встречаются фрагменты, противоречащие друг другу. Поэтому не удивительно, что сторонники канонистическо-историографического подхода очень часто и неизбежно попадают в такие ситуации, которые заставляют их изменять список канонических книг Дж. Р. Р. Толкина, а также вводить и постоянно пересматривать сложные системы иерархии текстов по их достоверности. Справившись с одной проблемой они тут же сталкиваются с новой и для ее решения вновь вынуждены менять свои сложные построения. Тем не менее, и этот подход имеет свою ценность. Например, некоторые системы иерархии текстов по их достоверности могут быть с успехом использованы и в историческом подходе к трактовке текстов Дж. Р. Р. Толкина.

Исторический подход предполагает аутентичность всех текстов, написанных Дж. Р. Р. Толкином о мире Арды. Противоречия одних текстов другим рассматриваются не как досадная ошибка автора, которую необходимо немедленно вычеркнуть из картины мира, а как повод для анализа различных вариантов описания событий. Такой анализ дает возможность не только вычлнить наиболее вероятные, непротиворечивые и достоверные описание и трактовку событий, но и сделать определенные выводы относительно причин, по которым описание в том, или ином случае произведено так, а не иначе. Кроме того, исторический подход дает возможность привлечь к анализу событий в Арде разнообразные исторические теории и концепции, разработанные для реальной истории человечества. А они, в свою очередь, позволяют проводить обоснованную реконструкцию отдельных темных периодов истории Арды. Таким образом, по нашему мнению, только исторический подход дает возможность исследовать живую историю Арды, а не подменять это исследование историографией, т. е. изучением собственно источников.

Использование исторического подхода при изучении текстов Дж. Р. Р. Толкина может многим показаться ненаучным. Однако в ряде случаев он вполне оправдан. Не напрасно в предисловии к первому изданию «Книги утраченных сказаний» Кристофер Руэл Толкин пишет: *«мы имеем полное право исследовать этот мир вне зависимости от литературоведческих соображений, и попытка самым подробным образом выяснить его устройство, начиная с мифа о Сотворении, будет совершенно правильной»*, и далее: *«в принципе, такие исследования вполне законны; они основываются на отношении к вымышленному миру как к предмету наблюдения и изучения, который ничуть не хуже множеств других предметов наблюдения и изучения в нашем слишком прозаическом мире»*.

Вопросы:

О. Белоконов: Ты, по-моему, еще об одном подходе забыл: о мифологическом.

Д. Виноходов: Мифологический подход больше тяготеет к подходу филологическому. С другой стороны, помимо описанных в докладе трех подходов, существует великое множество других более мелких подходов, которые просто исповедуют меньшее количество людей. Например, на втором большом толкиновском семинаре в Санкт-Петербурге был зачитан доклад, автор которого рассматривал произведения Толкина с точки зрения теории Юнга, с позиции архетипов. Это в принципе довольно логично, но слушать это было довольно тяжело не специалисту в психологии.

Из зала: Приведите в дискуссии пару примеров исторического подхода...

Д. Виноходов: Я бы с удовольствием привел их сейчас, но боюсь. Времени очень мало. Я готовил отдельный доклад по этой теме, но он не совсем вписывался в тематику конференции. Я имею в виду доклад об истории орков и их происхождении (это моя любимая тема. Там прослеживаются все три подхода).

А. Хромова: Можно считать, что автор доклада является приверженцем исторического подхода?

Д. Виноходов: Да.

А. Хромова: Поскольку Толкин все-таки признавался, что он все это сочинил, считать ли прочие глупости же материалом исторического анализа?

Д. Виноходов: Естественно, сам Толкин не считал свои книги историческими документами. Было бы абсурдом считать, что это реальные исторические документы, описывающие события, произошедшие в далеком прошлом, но тем не менее.

А.Хромова: Но мы рассматриваем их как исторические документы?

Д.Виноходов: Исам Толкин проводил параллели между падением Нуменора (Акалабет) и гибелью Атлантиды, т.е. определенные исторические параллели можно найти в реальной земной истории.

Из зала: Как историческое исследование можно учитывать психологию и нечеловеческих личностей, психологию Эльдар, например? (Земная история изучает психологию людей, я это имею в виду...)

Д.Виноходов: Сам Толкин в отношении эльфов неоднократно говорил, что эльфы - это выражение некоторых аспектов человеческого существа. Много эльфов присутствует также человеку. Кроме того, они биосовместимы с человеком...

Н.Семёнова: Получается тогда, что эльфы - не исторические существа, а некий образ...

Д.Виноходов: Это некий антропоморфный народ, который от человека биологически отличается весьма незначительно (только тем, что у них процессы старения замедлены).

Из зала: А что изучает исторический подход, когда речь идет о таких антропоморфных существах как Мелькори Саурон?

Д.Виноходов: Особенность этого вопроса состоит в том, что Мелькори Саурон не являются существами социальными. Когда мы рассматриваем историю людей или историю эльфов, мы рассматриваем не просто историю отдельных героев, а историю социума.

А.Баркова: Валары тоже социум.

Д.Виноходов: Валары? Я бы не сказал.

М.Штейнман: Мы, по-моему, все сейчас забываем одну очевидную вещь: все эльфы, и орки, и прочие существа — это плод создания человеческого воображения. И поэтому волей-неволей мы везде найдем элементы, свойственные нашей человеческой психологии. И профессор Толкин вряд ли мог создать что-то от себя, от своей человеческой сущности отличающееся.

А.Баркова (?): Как психолог, я категорически возражаю!

К.Кинн: Есть такая дисциплина, она называется научная фантастика. Вней подробно, во многих аспектах рассмотрен процесс взаимодействия человека с нечеловеческими существами. Господа, что вы сейчас здесь говорите — это, конечно, прекрасно, но уже неоднократно описывалось. Дело в том, что воспринять как разумное существо мы можем только того, кто имеет с нами точки соприкосновения. Мы не сможем понять язык, который построен по другим универсалиям, чем языки людей. Поэтому тех, кого мы понимаем, мы делаем антропоморфными. И даже друг другу мы можем судить в той же степени, т.к. мы общаемся не с человеком, а с своим представлением о нем.

Из зала: Я к толкинистике не имею никакого отношения, но имею отношение к вульгаризации науки. Вопрос собственно такой: а какого мальчика мы вылавливаем? Что за исторический подход, какие исторические источники можно увидеть в романах Толкина помимо фольклорной стороны?

Д.Виноходов: Нельзя в текстах Толкина искать исторические источники, дескать, в историческом прошлом земли таких событий не было. Я так понимаю?

Из зала: Могут быть точки соприкосновения между историей и мифологией, если речь идет об исследовании истории мифологии.

К.Кинн: В историческом подходе мы рассматриваем вселенную Толкина ("Арда" это называется) как существующую. Исторический подход — это подход к изучению истории всего мира. В таком случае все тексты от хроник до саг рассматриваются как исторический источник. Поэтому Ваш вопрос немножко не о том.

(продолжение следует)

Павел Федоров

Письмо к участникам диспута.

(продолжение. Началов №№22,23)

Продолжим наше и истинно печальное исследование ваших богословских изысканий:

“Далее в библейском понимании смерть человека - результат его собственного греха, т.е. рожденный для жизни вечной человек умирает именно в результате своих грехов. В Сильмариллионе смерть людей - дар верховного божества. Вдумайтесь - смерть - это дар. Христиане полагают, что Господь даровал нам жизнь вечную...”

Я рад, что мы с Вами единомысленны хотя бы в том, что смерть Адама была следствием греха и наказанием за него, а наша смертность - следствие первого грехопадения. Надеюсь, Вы не имели в виду своими словами, что человек не грешащий обретает бессмертие. От последнего нас удерживает предание Св. Церкви, указывая одновременно и на отсутствие личного греха у Божией Матери, и на премирную Ее кончину. Рад, что мы согласны с Вами и в том суждении, что Господь принес нам обетование о вечной жизни - разумеется, не о вечном существовании здесь и теперь, но о вечной жизни после Второго Пришествия и Воскресения Мертвых, в Царствии Божием, в обновленном и преображенном мире.

Церковь единогласно учит, что смерть есть наказание Божие за грех. Но разве не очевидно для всякого, что Бог не умножает зла в мире? Что налагаемое им наказание не есть зло? Смерть действительно для человека в первоначальном его виде неестественна и ненормальна, для первоначального человека она была бы злом. Но Божии наказания всегда содействуют к благу наказуемых. Подумайте сами, не была ли бы вечная жизнь падшего, лишеного полноты бытия и общения с Богом человека в мире, исполненном тления, гораздо большим и жесточайшим наказанием для него? Благой вечная жизнь, для которой он был задуман стала бы просто “дурной бесконечностью”, своеобразным непрекращающимся кошмарным сном. Ведь, совершив грех, прародители “умерли тогда душою, которая не может жить в отчуждении от Бога, источника жизни, не может жить без благодати, как тело без воздуха и пищи” (Вл. Макарий, *op. cit.*, т. 1, с. 486). Потому, в некотором роде, смерть для падшего человека действительно есть благо, и дар Божий.

Вот что пишет монах коневецкого монастыря Митрофан в своей книге “Как живут наши умершие и как будем жить мы по смерти (по учению Православной Церкви, по предчувствию общечеловеческого духа и выводам науки)” (1889 г., т. 1): “Непрестанный труд, болезни тела, скорби душевные, смущения, искушения - вот что наполнило нашу жизнь на земле. Только одни святые радовались в скорбях; следовательно, нет ни одного человека, который лишен был бы искушений. Святый, праведный, многострадальный Иов

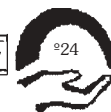
говорил, что и самая жизнь - не есть ли искушение? Нет ни одного человека, который не тяготился бы своею жизнью под конец ее. Как ни дорога человеку жизнь в первое время, однако частослышимжелание смертиподконецее <... Одно только освобождает человека от искушений. Не есть ли потому и смерть, полагающая конец скорбям, для человека благодеяние, за которое оно обязан возносить благодарение от чистого сердца?" (из главы "Благовторность смерти"). Поэтому видение смерти как наказания в юридическом смысле этого слова, то есть зла, причиняемого в ответ на зло - было бы несправедливо и не благочестиво.

Для всякого же христианина до наступления Царствия Божия смерть - действительно благо. Смерть праведного христианина рассматривается Церковью, как рождение его в жизнь вечную, как присоединение его к Церкви Торжествующей на Небесах. В день смерти мучеников Церковь вспоминала их не скорбью, но радостью. И сам Св. Апостол Павел, пишущий "и, как мы знаем, что, водворясь в теле, мы устранены от Господа, - ибо мы ходим верою, а не видением, - то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа" (2-е Кор. 5:7-9) и "для меня жизнь - Христос и смерть - приобретение" (Фил. 1:21), повашему рассуждению тоже оказывается еретиком-гностиком (паки дане будет!).

Наконец, сам Толкин пишет по поводу смутивших Вас слов в своих письмах: "О смертности <... говорится как о присущей природе человека: эльфы называли ее "даром Илуватара" (Бога). Следует помнить, что "мифологически" эти истории эльфоцентричны, а не антропоцентричны, и люди появляются в них в момент, который должен был далеко отстоять от их Пришествия (Неподумайте, это не гностическая идея, г-н. Музафаров. Это лишь указание на то, что Творец - единственная и внемирная причина бытия людей. - П.Ф.). Поэтому в них описан "эльфийский" взгляд, который во все не обязательно должен подтверждать или опровергать такие верования, как христианское учение, что "смерть" - несчастие человеческой природы, а наказание за грех (мятеж), следствие "падения". Следует полагать, что это - эльфийское восприятие того, чем смерть стала для людей, вне зависимости от ее первопричин. Божье "наказание" всегда так же и Божий "дар" <... " (Letters, p. 285-286, письмо 212). Как видите, здесь Толкин, указывая, что эльфы могли попросту во все не всезнать о людях, присоединяется к вполне православному мнению, которое уже изложил.

А о том, как рассматривали это вопросами люди, говорится в "Атрабет" - это рассказ Толкина, повествующий о беседе одного из эльфийских владык и мудрой человеческой женщине. Вот что вкладывает Толкин в ее уста: "Мы могли быть смертны, когда впервые встретились с эльфами в дальних краях, а могли и не быть: наше предание не говорит об этом, по крайней мере та часть, что мне ведома. Но у нас уже было свое знание и мы не нуждались в эльфийском: мы знали, что в начале нашего бытия мы были рождены, чтобы никогда не умирать (в оригинале у Толкина - авторский курсив - П.Ф.). И этим, господин, мы хотим сказать рождены для жизни вечной без всякой тени какого-либо конца" (Morgoth's Ring, p. 314). Толкин говорит выше о том, что эльфы - не бессмертны в смысле "жизни вечной" (к этому мы еще вернемся), а потом вкладывает в уста своей героини вполне христианскую надежду-обетование. Естественно, в его истории никому еще не ведомо - и не может быть ведомо, как эта надежда осуществится. Но зато читателю - то это отлично ведомо. Итак, мы снова обнаружили у Толкина той крамолы, которую Вы пытаетесь ему приписать столь усердно.

Снова обратимся к вашим "тезисам": "4. Об эльфах, о которых много сказано, и об орках о которых говорить не любят у Толкина напоминая людей есть другие разумные расы - эльфы, орки, гномы и хоббиты. Кто они суть? Гномы возникают чисто по языческому сценарию - одному из демиургов (Ауле) по надобности подсобные рабочие и он занимается их созданием, правда предупеть в этом ему удаётся лишь с помощью верховного божества, т.е. языческий миф смешивается с гностическим, где люди являются порождением младшего демиурга, но верховный Бог из жалости к ним, даёт им бессмертную душу."

Я уже показывал, что Ваши ассоциации и, тем более, делаемые из них выводы, весьма произвольны и натянуты. С этим мы сталкиваемся и в этой части Ваших размышлений. Мне кажется, что Толкин, излагая эльфийское предание о появлении гномов, несколько не преступает тех прав, которые имеет художник в своем свободном творчестве. Не думаю, что есть необходимость богословски защищать такой художественный образ. Толкин никогда не пытался создать аллегорию христианских воззрений - они уже изложены в Писании и Предании Церкви. Поэтому скорее, говоря о затронутом вами сюжете, стоит говорить о его внутренних мотивах, вложенном в него духе, чем о соответствии тех или иных сторон результатов творчества художника христианскому мироописанию в конкретных деталях. И вот, как раз эти самые мотивы Вы понимаете и трактуете совершенно неверно. В гностических системах демиурги творят свои создания против воли Бога, либо сознательно нарушая Его волю, либо утратив знание о Нем.

Дух, созданный Богом, вследствие этого, оказывается пленником материи. Понятно, что дух этих воззрений противен христианству, несовместим с ним. Однако как ли Толкина? Если бы Вы были внимательны, то заметили бы, что гномы сотворены во все не как “подсобные рабочие”. “Я желал существ иных, чем я сам, чтобы любить и учить их, чтобы они могли зреть красоту Эа, которой ты дал бытие.” (Сильм., *op. cit.*, с. 31). Вот что пишет об этом сам Толкин: “Ауле, к примеру, один из Великих [духов], в определенном смысле слова “пал”; ибо он столь желал увидеть Детей (то есть людей из эльфов-П.Ф.), что стал нетерпелив и попытался предвосхитить волю Творца. Будучи величайшим из всех умельцев он попытался создать детей, в соответствии со своим несовершенным мизантропическим мнением. Когда он сделал тринадцать, Бог заговорил с ним в гневе, но не без жалости; ибо Ауле сделал то, что сделал, не из злого желания иметь рабов и подвластных, но из нетерпеливой любви, желая иметь детей, чтобы говорить с ними и учить их, разделяя с ними восхваление Илуватара и свою великую любовь к весте, из которого сделан мир. Единый упрекнул Ауле, сказав, что тот попытался присвоить власть Создателя; но ведь он не мог дать независимой жизни своим созданиям. Оно владело лишь одной жизнью, своей собственной, произошедшей от Единого и мог, в лучшем случае, отчасти поделиться ею. ‘Смотри’, сказал Единый, ‘эти создания твоих рук имеют лишь твою волю, и твое движение. Хотя ты придумал язык для них, они могут лишь поведать тебе твои собственные мысли. Это лишь неистинное подражание мне.’ Тогда Ауле в скорби и раскаянии смирился и попросил прощения. И он сказал: ‘Я готов разрушить эти плоды моей самонадеянности и жду Твоей воли’” (Letters, *op. cit.*, p. 287). Чтобы Вы не поняли приведенную цитату неверно, укажу, что Толкин здесь рассуждает о мотивах внутренних для своего мифа, а не о реальной действительности. Творец дает созданиям Ауле дух, разум, волю и жизнь не из жалости к ним, а приняв раскаяние Ауле и его смирение, приняв его дар- “жду Твоей воли”. Где вы находите в этой истории гностические или языческие мотивы? Может быть, по форме своей она и напоминает языческие мифы, но по духу и содержанию (причем весьма явно), она весьма далеко отстоит от них. Она говорит о суверенности Творца вселенной, о том, что даже высоким и великим созданиям свойственно совершать ошибки, о добродетели смирения, покаяния и необходимости предавать свои дела на волю Божию. Вас смущает, что “ангельскому существу” здесь своя ошибка? Полно, Церковь никогда не считала Ангелов абсолютно безошибочными и всецело безгрешными. Их ведение и могущество превышают человеческие, но они вполне могут совершать ошибки - и откуда нам знать, какие именно. Мы можем лишь в смиренном принятии сказанное в Писании - “и в Ангелах своих усматривает недостатки” (Иов 4:18), понимая, что ничто не может оправдаться перед Богом собственными силами и собственной праведностью, ибо вне Бога нет святости. Церковь никогда не утверждала, чтобы ангелы могли ошибаться, но, полагаю, вряд ли такое частое мнение могло бы быть сочтено корнем противоцерковным и определенно еретическим. Впрочем, с определенностью судить об этом я не берусь и предпочту, во избежание невольной ошибки, остановиться на уже высказанном осторожном предположении о допустимости такого мнения.

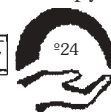
Следующий Ваш пассаж - о хоббитах - и вовсе целиком надуман и ни на чем не основан: "О происхождении хоббитов, Толкиен почти не пишет. Только Гендальф нечто знает, но молчит. Однако само их название в Средиземье - половинчики наводит на мысль о шумеро-вавилонском мифе, где боги, сходя с неба, творят людей, при этом они зачастую получают страшные уродцы. Уж не результатом такой попытки являлись половинчики (недоделанные) хоббиты?"

Во-первых, спешу Вас уверить, что хоббиты - вовсе не "недоделанные". Слово, которое Вы переводите как "половинчик" (halfling), означает всего лишь малый рост этих созданий и вернее должно бы переводиться как "полурослик". То, что вы полагаете хоббитов "страшными уродцами" - это, простите, ваша личная эстетическая оценка. Мне, как и многим другим, эти персонажи книг Толкина, напротив, кажутся вполне милыми и даже уютными. И о происхождении их Толкиен, хотя и в письмах, пишет вполне определенно, давая слову 'хоббит' следующее "словарное определение": "Представитель воображаемого народа, низкорослая разновидность человеческой расы, которые именовались так по своему названию (означающее "живущий в норе"), но остальными именовались "полуросликами", поскольку были ростом в половину меньше обычного человеческого". (Letters, p. 405). И, в другом месте: "Хоббиты, конечно, мыслятся как ветвь именно человеческой расы (не эльфов и не гномов) - поскольку и они и люди могли жить вместе (к примеру, в Бри) и именовались просто "большим народом" и "маленьким народом"." (Letters, p. 158). То есть это просто разновидность людей. Все же идеи по поводу "соревнований" между "демиургами" - порождения Вашей, а вовсе не толкиеновской фантазии. Интересно, конечно, почему Ваша фантазия порождает (и приписывает другим) столь странные идеи? Но я не желал бы затрагивать подробности Вашей внутренней жизни и лигадать о них. Если Вы - православный человек, то вопросы Вашей духовной жизни - дело Вашего духовника и Ваше.

Обратимся, наконец, к рассмотрению последней части Ваших "набросков": "Но показательнее всего рассмотреть трех основных рас Средиземья - изначально хороших Эльфов, изначально плохих орков и людей. Эльфы, независимо от их поведения, а оно судя по истории и силмарилей может быть далеко не самым добродетельным - резни и предательства там хватает, изначально одарены бессмертием. Орки - изначально обречены, как бы хорошо они себя не вели. Люди во многом зависят от своего поведения. Это очень напоминает гностическую систему Валентина, по которой "существует три рода людей: обреченные на гибель материальные люди (илики, хоики), люди душевные (психики), которые могут достичь спасения, хотя и не совершенства, верой и добрыми делами, и люди духовные (пневматики), которые уже спасены в силу заложенного в них духовного семени, обладая гносисом, не нуждаются ни в делах, ни в вере" (Карсавин А.П. Святые отцы и учителя Церкви. М., 1994, с. 34) т.е. концепция разумных существ Толкиена также заимствована у гностиков."

Как и везде прежде, Ваши сопоставления и выводы оказываются весьма мало обоснованными или необоснованными вовсе. Вы применяете совершенно негодную (Уж не ведаю, по недостатку знаний в области логики и способу аргументации, что было бы весьма странно для аспиранта философского факультета, или просто по недобросовестности, - что было бы не менее странно для человека, заявляющего о своем православии. Разве что Вы держитесь мнения, что цель оправдывает любые средства - но такое мнение православной этике несвойственно.) и произвольную схему доказательства своих мыслей обвинений. Сначала Вы излагаете некую точку зрения (на сей раз - честь Вам и хвала - Вы изыскали действительно несовместимую с христианством концепцию), вы потом приписываете ее столь раздражающему Вас автору,

совершенно произвольно доказывая ее выдернутыми из контекста (и, как правило, весьма плохоподобранными или вовсе непонятыми) цитатами. Так можно обвинить кого угодно и в чем угодно. Если принять вашу “логику”, то вы сами можете быть объявлены демонослужителями-ужбольнонехристианский, языческий характер носит эмблема Вашей организации, не говоря уже о сюжетах, связанных с ее названием. Поэтому, отказавшись от подобной несостоятельной “логики”, попробуем рассмотреть затронутую Вами тему полнее, в естественном логичном порядке.

Согласен с Вами в том, что некоторые гностические системы действительно свойственно разделению людей на три указанные Вами категории. Кстати, это вовсе не значит, что всякая система, где бы встречались названия этих категорий или намеки на них, есть система гностическая (хотя по вашей “логике” это было бы весьма резонно). Сами эти слова употреблял в своих посланиях Св. Апостол Павел, православие которого, разумеется, несомненно. Разница между указанными гностическими системами и православной мыслью может быть приближенно описана так. В Православии эти термины - “человек плотский, душевный, духовный” употребляются для описания состояния того или иного человека, его духовного “возраста”. То есть тот, кто сегодня - плотский человек, завтра, привлеченный благодатью Божией и очищенный покаянием может стать человеком духовным. В этом состоянии нет “предопределенности” - то есть даже человек, достигший высокого уровня духовности и святости может пасть, поддавшись искушению и греху. В гностических же системах, как правило, упомянутое разделение носит именно характер изначальности, предопределенности - это отчетливо видно даже из приведенной Вами цитаты. То есть, как ни меняйся человек (если свобода его выбора вообще признается), что он ни творит, его положение не изменится. Либо он уже спасен, либо уже совершенен, либо осужден - и от него его воле не зависит ничего. Утверждать в этом смысле, что кто-нибудь создан Богом на погибель или от создания спасен - было бы не православно (хотя Святое Писание, если рассматривать его слова, вырывая их из контекста, могло бы дать почву для подобных утверждений). С другой стороны, надеюсь, Вы не станете отрицать, что, пребывая на твердой почве Православия и учения Церкви, вполне возможно говорить, что та или иная группа людей, тот или иной народ в большей степени праведен и светел, чем иной (не по определению, но на момент утверждения). Особенно справедливо было говорить это в ветхозаветные времена - называется же народ Израиля в Писании народом святым. Но возможность таких утверждений остается и во время новозаветное. Тот или иной народ может быть более духовен или менее - это не значит, что он по природе такой, это значит, что он таким стал. Он вполне может потерять эту “духовность”. Поясню, что я имею в виду. Тот или иной народ в своем большинстве, в своей традиционной культуре может, скажем, лучше знать истинного Бога, а может быть народом, приверженным идолослужению. Несомненно, что первый народ - духовнее, святее и светлее второго. Но это вовсе не значит, что так будет всегда. И это вовсе не значит, что принадлежащий к второму народу по определению плох или обречен на вечную гибель - вовсе нет, потому что состояние народа не устраняет личной свободы воли человека. Говоря, что тот или иной народ духовнее, светлее, - мы говорим лишь о том, что дитя такого народа имеет больше благоприятных возможностей встать на истинный путь. Тем больше его вина, если он встанет на путь ложный. И обратно - уроженец народа, приверженного гонимому, имеет гораздо больше удобных возможностей для падения и совершения зла. Тем больше будет его величие и заслуга (если можно говорить здесь о заслуге), когда он свободно, хотя и увлекаемый обстоятельствами во тьму и зло, встанет на путь святой и праведный. Надеюсь, против такого рассуждения Вы не найдете, что возразить и сочтете его вполне православным.

Какого же взгляда придерживается Толкин внутри своих историй? Обратимся к нему самому - это вернее, чем строить пустые предположения. Я уже цитировал его слова о том, что “ничто не бывает злым изначально”. У Толкина в его книгах нет ни одного народа, который бы считался изначально злым, а значит - обреченным. Нет и народов, которые были бы изначально “спасенными”. Г-н Музафаров совершает очевидную ошибку, смешивая понятия Жизни Вечной - как спасения, жизни вполне божьего общения в мире преображенном,

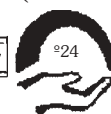

в Царствии Божием, лишеном искажения и “вечной жизни” - очень долгого физического существования эльфов Толкина в мире, подверженном падению и искажению. Давайте внимательнее прочитаем строки самого Толкина, чтобы получить представление обо всем этом из первых рук, а не в Вашем искаженном изложении (которое - а вовсе не мнение Ваших оппонентов - действительно, как показывают факты, “безусловно не может быть соотнесено с истинной картиной”).

В письмах Толкин пишет: “Я не чувствую никакой обязанности согласовывать свою историю с формализованной христианской теологией, хотя на самом деле я намеревался сделать ее созвучной с христианским мнением и верованием, которое высказано в Книге Шестой <... , где Фродо утверждает, что орки не были злыми изначально. Мы верим, что это так, я полагаю, в отношении всех разновидностей, типов и племен людских, хотя и кажется, что некоторых, как по отдельности, так и образующих группы, исправить невозможно, по крайней мере, нашими силами...” (Letters, p. 355, письмо 269). Во “Властелине Колец” мы вправду читаем слова Фродо, на которые здесь сослался Толкин: “Тень, которая их (орков-П.Ф.) взрастила, умеет только глумиться над тем, что уже есть, но сама не может ничего сотворить, понимаешь? Своего, нового, настоящего, она сделать не может. Так что не Тень дала жизнь оркам. Она только исковеркала, изуродовала готовое, живое.” (ВК, ор. cit., т. 3, с. 256). Подтверждает эти мысли Толкин и в других местах: “Мудрые в Старшие дни всегда учили, что орки не были “созданы” Мелькором, а значит не злы по своему происхождению. Они могли стать не исправимыми (по крайней мере, силами эльфов и людей), но они оставались в рамках Закона. То есть, хотя по необходимости с ними, как с пальцами на руке Моргота, и должно было бороться с великой суровостью, с ними не следовало обходиться жестокостью и вероломством, подобными их собственным. Пленных недопустимо было пытаться, даже чтобы добыть сведения, необходимые для защиты домов эльфов и людей. Если орки были окружены и просили пощады, следовало одаровать ее, даже если это было невыгодно. Таково было учение Мудрых, хотя среди ужасов войны ему не всегда следовали” (Morgoth’s Ring, p. 419). Так что, как видите, здесь нет никакой речи об изначальной злой природе или предопределении к вечной гибели (собственно, мир Толкина, по замыслу автора - дохристианский - еще и вообще не знает о вечном спасении или вечной гибели, он живет надеждой).

Нет у Толкина никакой “предопределенности” и в отношении тех или иных людей и народов. Вот что он пишет об этом в письмах: “Люди ‘пали’ - любая легенда изложенная в форме предполагаемой древней истории настоящего мира, в котором мы живем, должна принимать это - но люди Запада, добрая сторона - были изменены (Re-formed). Речь идет о потомках людей, которые попытались раскрасить ябежалина западотгосподства Первого Темного Властелина и его ложной религии, и, в отличие от эльфов, обновили (и приумножили) свое знание истины и природы мира. Таким образом они бежали от ‘религии’ в языческом смысле этого слова в мир чистого монотеизма, в котором всем предметам, существам и силам, которые выглядели достойными поклонения, было недопустимо поклоняться, даже богам (Валар(ам)), которые были лишь созданиями Единого. А Он был непостижимо далек. <... Так Нуменорцы стали новым великим благом, став монотеистами.” (Letters, p. 204, письмо 156). То есть люди Запада стали людьми света не потому, что в отличие от “людей тьмы” были предопределены к этому, а вследствие покаяния и обретения определенной степени знания истинного Бога. Никаких гностических подтекстов здесь усмотреть нельзя, разве что видеть их везде и во всем, - но тут уже надо будет обращаться копытному специалисту по навязчивым идеям.

Эльфы Толкина, вопреки вашим идеям, не “спасены” изначально. Их жизнь - это не вечная жизнь в Царствии Божием. Эльфы бессмертны только в том смысле, что жизнь их, если этому не встречается внешних помех в виде ран или усталости, длится, пока длится существование этого мира. Эльфы Толкина, однако, осведомлены о конечности тварного мира. Они не знают о своей судьбе после этого конца и имеют на сей счет разные предположения. Поэтому они не изъяты ни страха смерти, ни самой смерти (только

происходящей более от внешних причин, хотя и от внутренних тоже - эльфы уязвимы для усталости души). О вечной жизни в преображенном мире, о спасении, история Толкина знает даже меньше, чем доевангельская ветхозаветная культура. Эльфы, как и все прочие, живут лишь надеждой - надеждой на то, что благой Творец жалеет добрыми творениями, даеще смутными и отблесками будущего. "Как я понимаю, большая разница между эльфами и людьми - лишь в скорости приближения конца. Только в этом. Ибо если ты полагаешь, что квэнди (эльфов - П.Ф.) не ждет неизбежная смерть, Ты ошибаешься. Ныне никто из нас не знает будущего Арды (мира - П.Ф.) (может быть, лишь Валар (ам) оно ведомо) и как долго предназначено ей существовать. Но вечно существовать она не будет. Она сотворена Эру, но Его Самого в ней нет. Только Единый беспределен. И потому и Арда, и самая Эа имеют пределы. Вы видите нас, квэнди, еще впервые эпохи нашего бытия, и конец пока далеко. Такой далекой может казаться смерть молодому человеку в годы расцвета; стой разницей, что годы нашей жизни долги и мы уже о многом размышляли. Но конец придет. И тогда мы умрем; исчезнем совершенно, как кажется, и бо мы принадлежим Арде и в хроа и в феа (и плоть и духом - П.Ф.) И что будет за этим пределом? 'Уход безвозвратный', как ты сказала, 'последний конец, невосполнимая потеря'? Наше хотение идет медленно, но никогда не теряет следа. Отом что будет за тем, когда он достигнет нас и протрубит в свой рог, у нас нет ни уверенности, ни знания. И никто не говорил нам о надежде." - так рассуждает один из эльфийских королей, говоря женщиной из людей в работе Толкина "Атрабет" (Morgoth's Ring, p. 311-312).

В книгах Толкина мы можем найти нечто, подобное "обратной перспективе", видению будущего из "прошлого" и через призму этого "прошлого". Можем найти воспевание христианских добродетелей и неявное, но настоячивое отстаивание христианских взглядов на природу мироздания (мир благ, хотя и искажен). Чего мы там не можем найти - так это столь усиленно навязываемых ему Вами гностических идей и концепций.

На этом можно было бы, пожалуй, закончить рассмотрение Вашего "на песке построенного" дома голословных обвинений и "доказательств". Но, для полноты картины, прокомментирую еще несколько Ваших высказываний из других писем.

"Да и во Властелине Колец, за красивыми фразами прячется в общем-то действия тайного гностического (в смысле обладающего высшим знанием) ордена - светлого совета. Разве можно бороться со злом тайной? В средние века люди считали, что где тайна, там и дьявол." - это Ваши слова.

Во-первых в отношении Белого Совета, о котором Вы говорите. Кто Вам сказал, что это некий аналог мистических тайных обществ западноевропейской истории? Белым Советом, к Вашему сведению Толкин назван собственнотайное военно-политическое содружество "глав государств", противостоящих Темному Властелину в купе с эмиссарами "ангельских сил" с Запада. Его участники обладают знаниями и мудростью - в силу того, что служат добру и прожили долгую жизнь. Никакими "высшими знаниями", недоступными обычным смертным они не обладают, по крайней мере, об этом ни где не говорится. Сами "волшебники-мудрецы", эмиссары Запада, действительно названы несколько раз "орденом". Но в данном случае идет речь лишь о единстве людей, объединенных общим происхождением, положением в мире и целью. Согласитесь, все это еще не делает такое содружество аналогом "тайных гностических сект". Что касается тайны - скажите, видели ли вы хотя бы одного политика или полководца, который стал бы, во время ожесточенной войны, вести переговоры с союзниками и открыто заявлять об успехах результатов в беседах с союзниками? Это была бы или стратегическая хитрость, или гибельная глупость.

(продолжение следует)

Моргни
"Гидлые болота"